

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ И КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 347.97/99

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДА ПРИСЯЖНЫХ

Ю.Е. ДОВГЕЛЬ

(Представлено: канд. юрид. наук Е.Н. ЯРМОЦ)

Анализируются достоинства и недостатки суда с участием присяжных заседателей с учетом анкетного опроса граждан Республики Беларусь относительно перспектив введения данного института в Беларуси.

В современный период развития белорусского государства в научной сфере активно обсуждается вопрос о возможности введения института суда присяжных. Причем имеются как сторонники, так и противники этого. Присяжный заседатель – это непрофессиональный судья, привлеченный в установленном порядке для участия в судебном разбирательстве и вынесения вердикта. На разрешение коллегии присяжных ставятся самые главные вопросы о доказанности совершения преступления, участия в нем подсудимого и о его виновности [1].

В процессе анализа законодательства некоторых зарубежных государств можно отметить следующие недостатки в организации и деятельности суда присяжных:

– социально-экономическая дифференциация общества, которая может выражаться, например, в зависти к богатым, непонимании бедных, ненависти к лицам, совершившим преступления. Так, М. Селезнев указывает на то, что «вследствие своей некомпетентности, иррациональности, подверженности сиюминутным симпатиям и антипатиям, общественным страстям и популистским тенденциям этот институт с полным основанием можно назвать антидемократическим фактором в лоне демократии» [2];

– отсутствие законодательно установленной юридической ответственности за решение, вынесенное присяжными заседателями. Так, если решение конкретного судьи может быть пересмотрено в вышестоящей инстанции, которая осуществляет контроль, и имеется отдельная статистика, то присяжные заседатели не являются профессиональными судьями, в силу чего в отношении них не может осуществляться контроль такого рода;

– человеческий (социально-психологический) фактор. К примеру, А. Перла говорит о том, что суд присяжных не может быть беспристрастным по определению. Так, присяжные – это люди, которые судят не в соответствии со своими знаниями закона, а в соответствии со своими убеждениями, гражданской совестью и социальными предрассудками [3];

– трудности в порядке формирования коллегии присяжных заседателей. По данным фонда «Общественное мнение», только 16 % опрошенных готовы на участие в качестве народного заседателя, 78 % от участия в коллегии присяжных предпочли бы отказаться [4];

– отсутствие специального юридического образования у присяжных заседателей, что может привести к непониманию специфической юридической терминологии. Профессиональная лексика участников процесса не позволяет присяжным заседателям в полной мере оценить предоставленные доказательства по делу;

– в судебном процессе с участием присяжных заседателей на формирование позиции (мнения) присяжных решающее значение может оказать фигура адвоката и его защитительная речь;

– сложности в определении оптимальной процедуры участия института присяжных заседателей в судопроизводстве (подсудность дел коллегии присяжных заседателей, требования, предъявляемые присяжным, перечень обстоятельств, не позволяющих тому или иному лицу участвовать в качестве присяжного заседателя, выбор присяжных для участия в судебном процессе).

Несмотря на существующие трудности в организации и функционировании суда присяжных заседателей, данный институт обладает также несомненными достоинствами, которые признают как сторонники, так и противники.

Действительно, присяжные заседатели не являются профессионалами-юристами. Но процесс ведет судья, который является профессионалом. Его роль в процессе – руководящая, заключается в разъяснении присяжным их прав и обязанностей.

Большое количество телевизионных правовых программ, которое выпускается на экраны в настоящее время, в первую очередь для того, чтобы население могло получать хоть какое-то представление о законодательстве и правилах судебного заседания.

Человек, оказавшийся на скамье подсудимых, является частью общества. Каждый из присяжных является частью общества. В суде перед ними раскрывается картина того, что привело человека в суд.

Двенадцать присяжных, вынося вердикт, голосуют каждый в силу своего представления о законности и справедливости. В итоге мы имеем мнение об обвиняемом именно с позиции гражданского общества.

Суд присяжных гарантирует независимость судей, обеспечивает беспристрастность и состязательность судебного производства, способствует детальному исследованию обстоятельств рассматриваемого дела. Суд присяжных, по определению, обеспечивает более значительное народное участие в отправлении правосудия, делает его открытым, гласным и, самое главное, доступным.

Чтобы узнать мнение граждан Республики Беларусь, не имеющих юридического образования, относительно суда с участием присяжных заседателей, было проведено анкетирование.

Для начала нужно было разобраться: знают ли люди, что представляет собой суд присяжных. Большинство, 81 % опрошенных, имеют представление о нем.

Но вот на следующий вопрос относительно того, как люди относятся к суду с участием присяжных заседателей, мнения разделились. 34 % опрошенных к данному институту относятся положительно, 33 % отрицательно, есть и те, кто равнодушен в данной ситуации, эти люди составляют оставшиеся 33 %.

На наш взгляд, пожалуй, самым важным вопросом являлся вопрос о том, хотели ли бы граждане, проходившие анкетирование, принять участие в судебном заседании в качестве присяжного заседателя, на что многие ответили «нет». В качестве обоснования указывались преимущественно следующие причины:

- отсутствие юридического образования;
- боязнь ориентации лишь на эмоции;
- нежелание решать судьбу другого человека;
- отсутствие свободного времени.

Последним вопросом в предоставленной анкете был вопрос о том, стоит ли вводить данный институт в Республике Беларусь. И вновь мнения разделились, некоторые считают, что стоит, аргументируя это тем, что суд станет более независимым и справедливым (41 % опрошенных), другие же придерживаются мнения о том, что решения должен принимать высококвалифицированный специалист (59 % опрошенных).

Проведя анкету среди небольшого количества человек, можно сделать вывод о том, что немногие хотят, чтобы данный институт нашел свое отражение в законодательстве Республики Беларусь. Наше мнение совпадает с большинством из опрошенных, потому что данный институт скорее имеет больше недостатков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Правопорядок: городской суд: присяжные заседатели [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mytyshi.ru/pravo/Municipal_Court/prisyazhnye_zasedateli/. – Дата доступа: 23.09.2015.
2. Попова, А. Суд присяжных – шаг в будущее или назад в прошлое [Электронный ресурс] / А. Попова // Наука и жизнь. – 2007. – № 4. – Режим доступа: <http://www.nkj.ru/archive/articles/2214/>. – Дата доступа: 21.01.2015.
3. Перла, А. / Суд присяжных: за и против [Электронный ресурс] / А. Перла // Samara. ru: ежедн. интернет-изд. – Режим доступа: http://www.samru.ru/society/novosti_samara/41038.html. – Дата доступа: 15.01.2015.
4. Лобанова, З. Господа присяжные заседатели / З. Лобанова // Труд. – 2006. – 11 июля. – С. 5.

УДК 343.14

ПРИЗНАНИЕ ОБВИНЯЕМЫМ СВОЕЙ ВИНЫ: ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ СЛЕДОВАТЕЛЕМ И СУДОМ

П.В. СУРВИЛЛО

(Представлено: канд. юрид. наук Е.В. ДЕХТЯРЕВ)

Исследуется проблема оценки доказательственного значения и правовых последствий признания обвиняемым своей вины. Рассматриваются различные взгляды на данное доказательство в зависимости от типа уголовного процесса. Сделан вывод о необходимости совершенствования правоприменительной практики в области уголовно-процессуальной деятельности.

Показания обвиняемого – это сообщение об обстоятельствах, составляющих содержание предъявленного обвинения, а также об иных обстоятельствах и имеющихся в деле доказательствах, исходящее от лица, привлеченного к уголовной ответственности, зафиксированное в соответствии с правилами, установленными процессуальным законом [1, с. 599]. Допросу обвиняемого в стадии предварительного расследования предшествует предъявление обвинения. Поэтому особенностью показаний обвиняемого являются его объяснения по поводу инкриминируемого ему преступления. Нередко в ходе таких объяснений обвиняемые признают свою вину.

Признание обвиняемым вины – это сообщаемые обвиняемым сведения о фактических обстоятельствах совершения преступления, изобличающие его и подтверждающие его виновность, полученные в форме показаний по уголовному делу по правилам, предусмотренным УПК Республики Беларусь. Определяющим элементом признания является сообщение обвиняемым, что он совершил инкриминируемое деяние и согласен с его оценкой в качестве преступного. Признание может быть полным, т.е. касаться всего объема предъявленного обвинения, или частичным. Так, обвиняемый, признавая себя виновным в совершении убийства, может отрицать корыстные мотивы, обвиняемый в разбойных нападениях может признавать свое участие в одних эпизодах и отрицать в других и т.п.

Именно отношение правоохранительных органов к факту признания своей вины обвиняемым свидетельствует как о зрелости уголовно-процессуального права, так и об общей правовой культуре общества. Проблема доказательственного значения положительного ответа обвиняемого на вопрос о том, признает ли он себя виновным, стала предметом теоретических дискуссий с момента зарождения состязательного уголовного процесса. Особенная оценка по сравнению с другими доказательствами признательных показаний обвиняемых стала вызовом времени для состязательного уголовного процесса, навевшим отход от инквизиционной модели судостроительства. Ведь именно в этой модели признательные показания обвиняемого, полученные пусть и под пытками, считались наиболее серьезным доказательством – «царицей доказательств» (*regina probationum*) [2, с. 267]. В последующем доказательственное значение признательных показаний обвиняемого было приравнено к иным источникам фактических данных о преступлении и отчасти стало считаться «рядовым доказательством». И только в середине XX века в советскую эпоху проблема оценки признательных показаний обвиняемого получила однозначное решение. Право обвиняемого признать свою вину начало рассматриваться, прежде всего, как право распорядиться уголовно-процессуальными средствами, предоставленными для защиты своих интересов. Исходя из того, что доказательствами по уголовному делу являются лишь сведения об устанавливаемых обстоятельствах преступления, было признано, что выраженное обвиняемым отношение к предъявленному обвинению само по себе не имеет доказательственного значения, тем более что им не всегда предопределяется характер доказательственного материала, содержащегося в его показаниях (например, обвиняемый, признающий свою вину в убийстве, может сообщить сведения, указывающие на несчастный случай, либо обвиняемый, не признавая своей вины, вместе с тем может излагать изобличающие себя сведения) [3, с. 4].

Однако, как свидетельствует анализ правоприменительной практики, многие следователи и судьи все также стоят на позициях оценки признательных доказательств, если не «царицей доказательств», то уликой имеющим более существенный вес среди иных доказательств, полученных в ходе расследования. К сожалению, по результатам проведенного анкетирования адвокатов на вопрос о том, какое на практике значение имеют показания, в которых обвиняемый признает свою вину, 70 % опрошенных отметили, что признанию обвиняемого как следователями, так и судом придается особое, преимущественное значение. Как представляется, подобный взгляд не соответствует современному уровню понимания уголовного процесса, а указанное обстоятельство требует более тщательного рассмотрения проблемы оценки доказательственного значения признательных показаний.

Основная опасность практики особого отношения к признательным показаниям обвиняемого заключается в том, что правоохранительными органами полностью нивелируются цели правосудия, получение такого рода показаний становится для них основной задачей расследования. Правоприменитель в таких ситуациях фактически действует по принципу «имея признание, дело остается за малым – подтвердить его совокупностью доказательств». Причем следует отметить, что это проблема касается не только национальной правовой системы. Так, в США неоднократно суды обращали внимание на чрезмерное внимание следователей к работе по получению признательных показаний допрашиваемых. Речь идет о так называемой «тактике Рейда» – широко применяемым тактическим приемам допроса обвиняемых. Суть и цель «тактики Рейда» – признание обвиняемым вины, получаемое путем девяти шагов: прямая конфронтация; отклонение; превосходство; превращение возражений в подтверждения; проявление эмпатии; проработка различных сценариев; постановка «альтернативных вопросов»; повторение; фиксация в письменной форме. В 2012 году «тактика Рейда» признана судом конфронтационной, психологически манипулятивной и особенно опасной тогда, когда полицейские применяют ее неправильно или необоснованно [4, с. 171].

Вместе с тем отечественная наука уголовного процесса демонстрирует абсолютное теоретическое единство взглядов на необходимость, во-первых, исключения каких-либо методов психологического воздействия при получении как признательных, так и иных показаний обвиняемого; во-вторых, требует подвергать тщательной проверке признание обвиняемого, предостерегая от слепого доверия к данному виду доказательства.

В теории уголовного процесса признается, что свобода лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, на добровольный выбор возможных вариантов своего поведения находится под угрозой вследствие различных причин, начиная от подавленности или смятения в связи с задержани-

ем, вызовом к следователю и заканчивая возможными злоупотреблениями со стороны правоохранительных органов. В связи с чем общепринятым считается, что объективно существующая опасность «ложного признания» требует установления определенных гарантий, направленных на обеспечение права обвиняемого давать либо не давать изобличающих его показаний. Одной из таких гарантий отечественного доказательственного права является положение, в соответствии с которым признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении совокупностью всех доказательств. Само по себе признание не может рассматриваться как самостоятельное доказательство. Необходимость в такой оценке, именно в отношении показаний обвиняемого, вызвана не недоверием к этому виду доказательств, а той опасностью, которую таит в себе его переоценка.

В чем же заключается доказательственное значение признания обвиняемого? Доказательственное значение имеет не сам факт признания обвиняемым своей вины, а конкретная информация об обстоятельствах совершения преступления, располагать которой может лишь лицо, причастное к совершению преступления, осведомленное о нем (так называемая преступная осведомленность). Так, П.А. Лупинская совершенно правильно утверждает, что «доказательством является не факт признания обвиняемым своей вины, а сообщаемые им сведения, свидетельствующие о его причастности к совершению преступления и объективно подтверждаемые в ходе проверки» [5, с. 265]. Очевидно, что в таком случае, когда обвиняемый в действительности совершил преступление, именно он обладает более полной, подробной и обстоятельной информацией относительно расследуемого события и своего участия в нем. Тогда, когда обвиняемый добровольно и искренне сообщает обо всех обстоятельствах совершенного преступления, он тем самым фактически способствует его раскрытию, позволяя органам расследования собрать, закрепить и проверить иные доказательства по делу в целях наиболее полного и всестороннего установления объективной картины произошедшего. Голословное же признание обвиняемым своей вины (от которого он, кстати, может в любой момент отказаться) без приведения каких-либо конкретных фактов не может рассматриваться как доказательство [6, с. 70]. Например, если обвиняемый заявляет, что он не оспаривает своей вины, но об обстоятельствах совершения преступления ничего не помнит ввиду сильного опьянения, то эти показания никакого доказательственного значения иметь не могут. Доказательством могут служить лишь сведения о конкретных обстоятельствах совершения преступления. Вот как характеризовал свое отношение к признательным показаниям известный российский дореволюционный юрист А.В. Кони, в бытность своей работы в прокуратуре: «... старались не опираться на собственное сознание подсудимого, даже сделанное на суде, и строить свою речь, как бы сознания вовсе не было, почерпая из дела объективные доказательства и улики, не зависящие от того или другого настроения подсудимого, от его подавленности, нервности, желания принять на себя чужую вину или смягчить свою, сознаваясь в меньшем, чем то, в чем его обвиняют...» [7, с. 185].

Таким образом, относя показания обвиняемых (подозреваемых, подсудимых) к судебным доказательствам, закон требует их тщательной, всесторонней и объективной проверки со стороны лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда. Это требование распространяется на любые показания как те, в которых обвиняемые отрицают свою вину, так и те, в которых признают ее. Указанное положение применительно к признанию прямо записано в законе. Следовательно, признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств по делу. Доказательственное право этим правилом предупреждает об опасности переоценки значения признания обвиняемым своей вины и указывает на необходимость располагать совокупностью доказательств, свидетельствующих о достоверности сведений, сообщенных обвиняемым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Р.С. Белкин [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юрид. лит., 1973. – 735 с.
2. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий ; общ. ред. А.В. Смирнова. – СПб., 1996. – Т. 2. – 606 с.
3. Ратинов, А.Р. Самооговор: Происхождение, предотвращение и разоблачение ложных признаний / А.Р. Ратинов, Т.А. Скотникова. – М., 1973. – 142 с.
4. Андроник, Н.А. Допрос по «тактике Рейда» в американском уголовном судопроизводстве: законность, целесообразность, эффективность / Н.А. Андроник, Т.С. Пачина // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 2(32). – С. 171–176.
5. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учеб. для высших учебных заведений / Л.Б. Алексеева [и др.] ; отв. ред. П.А. Лупинская. – М. : Юристъ, 2004. – 798 с.
6. Строгович, М.С. Признание обвиняемым своей вины в качестве судебного доказательства / М.С. Строгович // Советское государство и право. – 1984. – С. 68–74.
7. Кони, А.Ф. Собрание сочинений : в 8 т. / А.Ф. Кони. – М. : Юрид. лит., 1967. – Т. 4. – 543 с.

УДК 343.985

ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ САМООГОВОРА В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ**П. В. СУРВИЛЛО***(Представлено: канд. юрид. наук. Е.В. ДЕХТЯРЕВ)*

Анализируются особенности обнаружения самоговора в ходе предварительного следствия. Рассматривается понятие самоговора, его существенные признаки, также различные существующие способы выявления его следователем. Проведенное исследование позволяет утверждать, что в зависимости от вида самоговора, а также от личности обвиняемого, возможны различные тактические варианты проведения отдельных следственных действий.

Подозреваемый (обвиняемый), движимый чувством раскаяния или по иным обстоятельствам (убедившись в бесполезности отрицания вины, поскольку она подтверждается доказательствами по уголовному делу), признает свою вину в совершении преступления. Известны также случаи, когда человек, не совершавший преступления, в силу различных причин добровольно принимает на себя ответственность за содеянное. Поэтому при получении показаний, в которых подозреваемый или обвиняемый сознается в совершении преступления, нельзя исключать самоговора, который нередко встречается на практике.

В научной литературе под самооговором понимают «заведомо ложные показания подозреваемого по поводу его мнимой причастности к совершенному либо несовершенному преступлению» [1, с. 11]. Среди причин самоговора традиционно выделяются такие: незаконные методы допроса и иные незаконные меры воздействия; ошибка или заблуждение обвиняемого в юридической оценке своих действий или относительно фактических обстоятельств дела; неблагоприятная процессуальная обстановка, когда собранные по делу обстоятельства создают впечатление виновности обвиняемого и он приходит к выводу, что ему выгоднее признать себя виновным; уловка обвиняемого, когда, сознавшись в совершении более легкого преступления, он надеется избежать наказания за более тяжкое преступление, совершённое им в действительности; желание оградить интересы близкого ему лица и т.п. [2, с. 50].

Особого и самостоятельного рассмотрения требует вопрос о разоблачении самоговора. Речь идет о выявлении признаков самоговора и его опровержения как одного из возможных результатов проверки полученного признания. Относя показания обвиняемых к судебным доказательствам, закон требует их тщательной, всесторонней и объективной проверки со стороны лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда. Это требование распространяется на любые показания, как те, в которых обвиняемые отрицают свою вину, так и те, в которых признают ее. Указанное положение применительно к признанию прямо записано в законе, предписывающем использовать его в качестве основы обвинения «лишь при подтверждении совокупностью имеющихся по делу доказательств». Таким образом, необходимость глубокой проверки признания прямо вытекает из закона. Неоспорим тот факт, что самооговор наносит вред процессуальной деятельности органов следствия и дознания, отвлекая внимание от борьбы с преступностью, т.к. влечет за собой юридические ошибки, приводя к ненужным затратам сил и средств [3, с. 34].

Некоторые авторы делят признания лица себя оговорившего на две части: содержащую достоверную информацию и вымышленную, что позволяет выявить характерные признаки каждой из них [4, с. 96]. Что касается объективно правильных данных, содержащихся в самооговоре, то они чаще всего ограничены такими элементами события, которые были доступны постороннему наблюдению или усматриваются из последствий преступления, обнаруженных следов. Об этом подследственный мог узнать от лиц, причастных к преступлению, очевидцев, участников следственных действий, из слухов, сообщений СМИ и т.п. Участие в допросе также служит источником осведомленности, ибо допрашиваемому разъясняется суть возникших в отношении него подозрений; он уведомляется об обстоятельствах дела как прямо, так и в результате постановки различных вопросов. Приняв решение о самообвинении, допрашиваемый, как правило, использует эту информацию, кладет ее в основу ложного признания. Следовательно, эта часть показаний подследственного обычно не выходит за рамки известной следователю информации.

Исследование самоговора требует также анализа условно выделяемой во второй его части, содержащейся в нем ложной информации. Поставленный перед необходимостью разъяснения ряда обстоятельств, еще не познанных следствием, допрашиваемый в меру своего разумения прибегает ко лжи, нередко принаравливая к логике ложного признания действительно имевшие место события и факты.

Случай, когда допрашиваемый излагает полностью вымышленные сведения, встречается значительно реже и характерен для лиц, оговаривающих себя в силу какого-либо душевного заболевания. Если у здоровых допрашиваемых самооговор вызван конкретными мотивами, то у психически больных само-

оговор является результатом болезненных побуждений. Иногда следователю приходится допрашивать лиц, о которых ему к моменту допроса неизвестно, что они страдают психическими болезнями, лишаящими их возможности отдавать отчет в своих действиях и руководить своими поступками. В числе допрашиваемых могут оказаться и лица, имеющие отклонения в психике, которые не приводят к невменяемости, но в то же время существенно влияют на достоверность их показаний. Такие допрашиваемые приписывают себе преступления, которые совершены другими лицами или же обвиняют себя в преступлениях, вообще не имевших места, являющихся результатом болезненного фантазирования или постороннего внушения. В частности, случаи самооговора встречаются у олигофренов, что вызывается у них желанием быть в центре внимания, приобрести известность [5, с. 70]. При подозрении следователя, дознавателя о наличии у подозреваемого, обвиняемого психического заболевания необходимо назначать ему судебно-психиатрическую экспертизу.

По мнению С.П. Щербы, особо сложно выявить самооговор подозреваемого, обвиняемого, когда причинами этого явились незаконные методы ведения дознания сотрудниками оперативных служб, которые с целью «раскрытия преступления» за определенные снисхождения в режиме содержания уговорили обвиняемого взять на себя это преступление. Обвиняемые в таких случаях редко называют следователю причины своего «раскаяния», и при проверке показаний ложь разоблачить трудно, поскольку сотрудники оперативных служб разъясняют обвиняемому, какие следует давать показания. Вместе с тем в рассматриваемой ситуации следователя должно насторожить то, что показания подозреваемого, обвиняемого носят как бы однообразный, заученный, стенографический характер. К однажды данным показаниям он уже ничего не дополняет, не уточняет их [6, с. 55].

Одним из средств выявления самооговора является тактически правильно спланированный и проведенный повторный допрос. При самооговоре показания лица о преступных деяниях обычно носят расплывчатый, неопределенный и отрывочный характер. В таких ситуациях называются лишь отдельные, общие фрагменты преступления без его детального описания. Проверка показаний с целью выявления самооговора осуществляется следующим образом: необходимо максимально подробно допросить подозреваемого, обвиняемого и выявить такие детали, которые известны только исполнителю, установить его преступную осведомленность. Подробно допросить о способах совершения преступления, причинах, побудивших его стать на преступный путь, и обстоятельствах, которые способствовали совершению преступления. Также для выявления самооговора могут быть использованы различные приемы распознавания ложных показаний: предъявление доказательств (оглашение показаний других обвиняемых или свидетелей, предоставление вещественных доказательств); психологическое наблюдение за допрашиваемым; демонстрация осведомленности следователя о ложности показаний допрашиваемого; использование оперативных данных; использование нетрадиционных средств допроса (полиграф), косвенный допрос и т.д. Таким образом, допрос обвиняемого должен быть детальным, показания проверены и критически оценены.

Достаточно хорошо иллюстрирует возможности комбинированного применения тактических приемов с целью разоблачения самооговора следующий пример. По делу о разбойном нападении необходимо было установить, кто из семи обвиняемых нанес смертельное ножевое ранение потерпевшему. Вначале каждый из них заявлял, что о ножевом ранении ему ничего неизвестно. Спустя некоторое время самый младший из них – несовершеннолетний И. – заявил, что ножевое ранение нанесено им. Однако на вопросы следователя о расположении ран, направлении, количестве ударов И. не смог ответить. Возникло предположение, что его уговорил или заставил взять вину на себя подлинный убийца. С целью проверки своего предположения следователь поочередно вызывал на допрос остальных соучастников и каждому объявлял, что И. «сознался». В связи с этим он просил обвиняемых уточнить их прежние показания. Пятеро заявили, что не видели, как И. нанес ранение, и лишь один К. подтвердил это обстоятельство. В связи с таким заявлением следователь поставил К. ряд вопросов о количестве ударов, их направлении и т.п., на которые не сумел ответить И. Ответы К. совпали с выводами судебно-медицинской экспертизы. Так правильно и обстоятельно мог ответить лишь тот, кто сам это сделал. Таким образом, ответы допрашиваемого явились результатом его виновной осведомленности. Дальнейшим расследованием это подтвердилось [7, с. 100].

Одним из способов выявления самооговора является проведение такого следственного действия как проверка показаний на месте. Суть этого следственного действия заключается в том, что лицо, показания которого проверяются, указывает место, где происходили те или иные связанные с расследуемым преступлением события, о которых он ранее сообщил в своих показаниях, данных при допросе. В ходе проведения этого следственного действия следователь устанавливает, в какой мере сведения, содержащиеся в показаниях, соответствуют или не соответствуют фактической обстановке на месте воспроизведения показаний и другим установленным по делу обстоятельствам. Сопоставляя результаты этого следственного действия с другими, имеющимися в деле данными, следователь получает возможность сделать вывод о достоверности или недостоверности проверяемых показаний.

Важно понимать, что в случаях, если посредством проведения проверки показаний на месте факт самооговора не будет опровергнут, результаты следственного действия будут оцениваться как серьезное обвинительное доказательство, подтверждающее обоснованность предъявленного обвинения. Однако при этой ситуации не исключается, что обстоятельства дела стали известными обвиняемому не потому, что он участвовал в совершении преступления, а потому, что он узнал это в результате небрежно сформулированных вопросов, подсказок, подслушанных разговоров и т.д. В силу изложенных причин, следовательно необходимо принимать соответствующие меры (в том числе и через органы дознания), исключающие поступление к обвиняемому или подозреваемому какой-либо информации относительно обстоятельств расследуемого преступления, места происшествия, расположения отдельных объектов и т.д.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что самооговор усложняет ход расследования, направляет его по «ложному пути», тем самым препятствует установлению истины и решению задач, стоящих перед уголовным судопроизводством. Все это создает угрозу осуждения невиновных лиц, следовательно, избавления от наказания преступников, которые могут совершить новые преступления. В связи с этим сотрудникам правоохранительных органов необходимо уметь своевременно выявлять самооговор, для чего существуют тактические и психологические приемы его распознавания в ходе таких следственных действий как допрос, проверка показаний на месте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петрухин, И. Самооговор / И. Петрухин // Советская юстиция. – 1970. – № 13. – С. 11–13.
2. Кузнецов, А.Н. Доказывание самооговора и другие аспекты регулирования дознания в сокращенной форме / А.Н. Кузнецов // Тр. Акад. Упр. МВД России. – 2015. – № 2(34). – С. 50–53.
3. Савкин, А.В. Причины самооговора и его доказывание / А.В. Савкин // Проблемы предварительного следствия и дознания. – М. : Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД России, 1996. – 61 с.
4. Ушаков, О.М. Теоретические и практические проблемы тактики допроса лица, склонного к даче ложных показаний : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / О.М. Ушаков. – Владивосток, 2004. – 189 с.
5. Закатов, А.А. Ложь и борьба с нею / А.А. Закатов. – Волгоград, 1984. – 191 с.
6. Щерба, С.П. Деятельное раскаяние в совершенном преступлении : практ. пособие / С.П. Щерба, А.В. Савкин. – М., 1997. – 110 с.
7. Коновалова, В.Е. Допрос: тактика и психология / В.Е. Коновалова. – Х. : Консум, 1999. – 157 с.

УДК 343.971

СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МАТЕРИНСТВА: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В.А. ЧОБОТ

(Представлено: канд. юрид. наук В.П. ШАРИКОВА)

Рассмотрены содержательные признаки феномена материнства и представлены варианты возможных искажений традиционно-ценностной модели взаимодействия матери и ребенка, обусловленные сложностями реализации материнства в современных условиях. Описаны негативные последствия возможных искажений.

Феномен материнства изучается различными науками: историей, культурологией, медициной, физиологией, биологией поведения, социологией, психологией и криминологией. Каждая наука исследует и определяет материнство, исходя из своих целей и задач. Интерес к комплексному изучению материнства появился сравнительно недавно и обусловлен ухудшением демографической ситуации и качеством трансформаций социального института семьи, распространением новых установок и стандартов взаимодействия матери и ребенка.

Само по себе материнство можно рассматривать с двух сторон – как фактор, обеспечивающий условия для полноценного и всестороннего развития ребенка (конкретно материнско-детские взаимоотношения), и как особая часть личности женщины-матери (удовлетворение потребности быть матерью) [1, с. 12]. Только с появлением ребенка – происходит принятие женщиной социальной роли матери. Этап принятия данной роли эксперты определяют как особый период, который характеризуется согласованием «родительских установок женщины, ее представлений о себе как матери, социальных ожиданий окружающих, перестройкой личностных смыслов и т.д.» [2, с. 5].

В настоящее время определенные изменения претерпело содержание роли женщины в обществе. Значительно повысился уровень образования и профессиональной подготовки женщины, ее стали воспринимать не только как мать, но и как независимого делового социально-активного субъекта. Молодые

женщины, согласно результатам исследований, стремятся к карьерному росту, а не к рождению и воспитанию детей, что не способствует комфортному принятию данной социальной роли.

Содержанием материнства является обеспечение матерью адекватных условий развития ребенка, проявляющееся в определенном типе ценностно-ориентированного взаимодействия матери и ребенка [3, с. 106].

Обеспечение матерью условий развития ребенка состоит в реализации, двух основных задач: поддержании ребенка – обеспечении витальных потребностей, и его воспитании. Для успешной реализации указанных задач женщине требуется прикладывать достаточно много волевых усилий: кормить, ухаживать (следить за его опрятным видом), обеспечивать ребенка одеждой на все времена сезонов, покупать вещи и игрушки для его интеллектуального развития, различные вещи и предметы для школы, финансово поддерживать своего ребенка и при этом постоянно контролировать собственные эмоции, уметь выбирать реакции соответствующие ситуации, прогнозировать последствия своих реакций на поведение ребенка. Но от матери требуется также и то, что невозможно обрести исключительно путем приложения волевых усилий: любовь и мудрость, поскольку самым главным искомым элементом материнства являются надежные, доверительные, теплые отношения с ребенком, в которых проявлено взаимное уважение. Очевидно, что воплощение в жизнь описанных требований матерью, в условиях, когда количество разводов растет и все больше детей воспитываются только матерью либо не родным отцом, является очень сложным делом.

В последнее время получает все большее распространение осознанный отказ женщины от выполнения ею роли матери. Рождение и воспитание детей рассматривается как тяжкая обуза, возложенная на нее, во многом препятствующая реализации профессионального и творческого потенциала, рождение ребенка не воспринимается как нормальное явление, а появление ребенка не приводит к принятию женщиной роли матери.

Сложности, с которыми сталкивается женщина, и многообразие альтернатив социального поведения обуславливают то, что традиционно-ценностная модель материнства (отношение к материнству как важнейшей духовно-нравственной ценности, как самой женщины, так и всего общества) искажается.

Мы попытались выделить возможные искажения традиционно-ценностной модели материнства и проанализировать их последствия. Возможные отклонения от данной модели представлены в виде смоделированных взаимоотношений матери и ребенка, при этом акцент был сделан на роли матери.

1. Компромиссная модель взаимодействия матери и ребенка – совмещение материнского призвания и профессиональных обязанностей женщины. Достоинством является сохранение активной социальной позиции матери, однако нельзя не признать, что одновременная занятость женщины в сфере профессиональной и дома накладывает на нее двойной груз ответственности. Другими словами она работает как на работе, так и дома (выполняя свои материнские обязанности). Но в случае появления проблем на работе возникают негативные эмоции, переносимые в дом, на детей. В результате может происходить отчуждение матери и детей, конфликты с применением силы матерью в отношении детей.

2. Педагогическая модель взаимодействия матери и ребенка – мать является ответственной, строгой, требовательной к себе и к ребенку, она обязательно должна оцениваться социальным окружением как успешный родитель. Поэтому ей необходимо много заниматься с ребенком, развивая его. Задача матери здесь, состоит в том, чтобы переделать «врожденный» характер ребенка в «такой, какой надо». Безусловным лидером в материнско-детских отношениях является мать. К возможным отрицательным последствиям реализации данной модели можно отнести: формирование социально дезадаптированной личности либо личности с высоким конфликтным потенциалом, склонной к аддиктивным формам поведения.

3. Партнерская – мать не стремится выступать ответственным по отношению к ребенку взрослым, она не склонна брать на себя ответственность и воспринимает ребенка как уже способного к самоопределению самодостаточного человека. Основная проблема в том, что мать не обладает родительским авторитетом. У ребенка сформированного в данных условиях, возможно, возникнут трудности с определением внутриличностных императивов, объективность общечеловеческих ценностей для него неочевидна, в силу чего все ценности относительны.

4. Жертвенная – мать целиком предоставлена ребенку физически и эмоционально: он может постоянно быть у нее на руках, спать вместе с ней, годами находиться на грудном вскармливании, а мать почти все разрешает и практически никогда не наказывает. Здесь образ ребенка включает в себя представления о том, что ребенок с самого рождения является личностью, что его развитие «определяется генами», и бесполезно пытаться изменить генетическую программу. Поэтому требований к ребенку в принципе не предъявляется. В данной модели роль лидера в отношениях отдается ребенку, взрослый занимает позицию подчиненного. Отрицательные последствия: выросшая в таких условиях личность может иметь проблемы с самопринуждением и самоконтролем, что чревато неуравновешенностью и конфликтностью личности.

Очевидно, что представленная здесь попытка смоделировать возможные искажения традиционно-ценностной модели материнства и последствия таких искажений позволила лишь наметить большой массив вопросов, научная разработка которых обладает определенной актуальностью.

Следует отметить, что изучение возникающих социальных моделей материнства сегодня активно проводятся социологами и психологами, представляется, что определенным эвристическим потенциалом это обладает и для криминологии, поскольку позволяет обратить внимание на последствия дисфункции материнства, которые могут иметь криминогенные последствия. Такой анализ предполагает проведение оценки происходящих трансформаций в институте материнства с позиции генерирования, данными трансформациями, детерминант преступности. В силу чего, представляется достаточно востребованным и перспективным проведение криминологических исследований в данной области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филиппова, Г.Г. Психология материнства : учеб. пособие / Г.Г. Филиппова. – М. : Издательство института психотерапии, 2002. – 240 с.
2. Подобина, О.Б. Совладающее поведение женщины на этапе принятия роли матери : автореф. дис. ... канд. психол. Наук : 19.00.05 / О.Б. Подобина ; Костромской гос. ун-т им. Н.А. Некрасова. – Кострома, 2005. – 23 с.
3. Кочарян, А.С. Особенности структуры материнства у беременных женщин с разным типом полоролевой идентичности / А.С. Кочарян, М.Ю. Кожина // Вісн. Харківського національного ун-ту ім. В.Н. Каразіна. Сер. Психологія. – 2010. – № 902. – Вип. 43. – С. 104–107.

УДК 343.971

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ВЗГЛЯДА НА СОЦИАЛЬНО ОДОБРЯЕМЫЕ МОДЕЛИ МАТЕРИНСТВА

В.А. ЧОБОТ

(Представлено: канд. юрид. наук В.П. ШАРИКОВА)

Рассмотрены характерные черты современных трансформаций семьи, влекущие изменение формы и содержания традиционных отношений матери и ребенка, обращено внимание на криминогенный потенциал данных изменений и раскрываются особенности криминологического поиска детерминант преступности, исходя из природы семьи и ее модернизации.

Роль семьи в жизнедеятельности общества, в целом, и формировании отдельной личности привлекает к себе внимание не только специалистов различных областей наук, начиная с педагогов, психологов и заканчивая криминалистами, но и постоянно обсуждается на бытовом уровне, в средствах массовой информации, в Интернете. Такое внимание к ней обусловлено не только перманентной актуальностью для общества вопросов семейного воспитания, материнства и детства, но и сложностью, глубиной проблем, связанных с семьей. Социологи, психологи, криминологи указывают на то, что возросла конфликтность отношений супругов, родителей и детей, увеличилось количество разводов и внебрачных, добрачных детей, произошло снижение ценности семьи, что свидетельствует о кризисе института семьи.

Как отмечают исследователи, объектом криминологического изучения, семья стала с 70-х годов прошлого столетия. Примерно в это время активизировались криминологические исследования проблем внутрисемейного насилия, влияния семьи на преступность и предупреждение преступности посредством воздействия на семью [1, с. 28].

Проблематика детерминации внутрисемейных преступлений, в частности, жестокого обращения с детьми, и сегодня очень активно разрабатывается криминологами. В центре пристального внимания исследователей находится влияние общесоциальных процессов на трансформацию семейных отношений и повышения их криминогенности. Особый исследовательский интерес, в данном контексте, представляет взаимодействие матери и ребенка, сложность изучения которого обусловлена не только определенной закрытостью семьи, но и органичностью данного предмета исследования, когда искусственное вычленение его отдельных аспектов чревато утратой самого предмета исследования. Вместе с тем, то значение, которым обладает это взаимодействие для формирования личности ребенка, для существования, функционирования семьи, и общества постоянно обращает внимание ученых-криминологов, обуславливая поиск путей к его научному познанию. В силу чего, нами и была поставлена задача, определить существенные особенности, криминологического взгляда на взаимодействие матери и ребенка в семье.

Оставаясь одним из наиболее традиционных социальных институтов, семья, тем не менее, последние десятилетия подвергается очень серьезным изменениям. Как представляется, столкновение традиционности семейных отношений и динамизма их социальных изменений, способно привести к возникновению конкретных факторов, детерминирующих внутрисемейную преступность и жестокое обращение матери с ребенком.

Если рассматривать семью как совершенно особую органичную форму союза мужчины и женщины, родителей и детей, то следует признать, что ее существование обусловлено тем, что люди нуждаются в особом рода общении, в семейном взаимодействии [2, с. 23]. Стремление к глубокому общению в рамках семьи, обусловлено тем, что именно семья сегодня способна оказать полноценную поддержку личности в условиях роста социальной напряженности.

Представляется, что традиционность семейных отношений обусловлена стремлением сохранить правильное (идеальное) видение того, что такое семья, целесообразности ее существования в обществе и возложенные на нее функции. Разные культуры предлагают свою традицию семьи, и, несмотря на открывающееся многообразие форм, мы можем наблюдать при ближайшем рассмотрении, что сущность (идея) семьи сохраняет свою тождественность. То есть традиция как бы служит формой тому содержанию, которое должно быть выражено, воплощено в жизни. Причем, в определенном смысле эта форма обладает самоценностью, поскольку содержит в себе элементы того идеального, что стремится выразить сама традиция.

Но в современном обществе возникают новые вызовы перед традиционностью семейных отношений. На фоне интенсивно изменяющегося образа жизни наблюдается перманентное снижение ценности семьи, когда категория «Мы», имманентно присущая семье, уступает возрастающей автономии личности, давлению – «Я» [3]. Происходит заметное смещение личностных акцентов, теперь от уровня образования и профессионализма индивидуума во многом зависит его социальный статус, что обуславливает поздние браки и отложенное материнство. При этом меняются и супружеские отношения, исследователи отмечают, что все большее распространение получают нетрадиционные модели семейных отношений: незарегистрированное сожителство (фактический брак), последовательная полигамия (неоднократное вступление в брак), семьи с неродными родителями (ребенка воспитывает отчим), «Годвин-брак» (раздельно-регулярный), бигамные браки (мужская и женская бигамия) [2, с. 26–27].

Изменение моделей семейных отношений не может не влиять на содержание межличностного общения в рамках современной семьи, в условиях, когда сохраняется некое традиционное представление о роли мужчины и женщины, о родительски-детских отношениях. Эксперты отмечают повышение конфликтности семейного взаимодействия, обусловленное, в том числе, повышением внутрличностной конфликтности супругов.

Отношения между родителями и детьми в таких условиях выстраиваются иначе, что представляет особый интерес для криминологии, поскольку непосредственно связано с осуществлением воздействия на ребенка, формированием его личности (воспитанием и социализацией), а значит, может быть сопряжено с проблемами криминализации личности и внутрисемейного насилия. Установление содержания существующих социальных моделей взаимодействия родителей и детей обладает для криминологии существенным эвристическим потенциалом, поскольку позволяет прояснить механизм криминализации такого взаимодействия и определить социальные источники насильственных установок, возникающих у матерей и отцов при формировании поведения по отношению к детям.

Конечно, особый интерес представляет взаимодействие матери и ребенка. Представление о должной роли матери в судьбе ребенка достаточно традиционно: мать должна быть заботливой, любящей, ответственной, уделяющей ребенку много времени, сотрудничающей, веселой, невластной и неагрессивной и т.п. несмотря на то, что каждое общество создает свой образ действующего социального субъекта, определяя какие личностные качества, являются необходимыми для реализации этого образа личностью в обществе. Понятно, что это влечет и изменение представлений о методах, способах воспитания таких качеств в ребенке, о допустимости тех или иных форм воздействия на него со стороны матери. Кроме этого, из-за возрастания социальных ожиданий по отношению к женщине, выполняемая нею роль матери также претерпевает серьезные изменения. Получая образование, поднимаясь по карьерной лестнице, становясь профессионалом, женщина все чаще находит себя во вне семейных сферах. Она оказывается вынужденной исполнять роль матери в совершенно новых условиях, которые во многом отличаются от тех, в которых воспитывали детей мамы и бабушки, то есть, фактически находясь в ситуации неопределенности и изменчивости социальных стандартов, содержательно определяющих данную роль.

Характер новых условий таков, что возникает целый ряд криминогенных рисков, существование которых состоит в неосознанном и неумышленном искажении ценностного (представляется, что в этом контексте, вполне корректно говорить об искажении традиционного) содержания материнства. Искажение это может состоять в изменении положения материнства в иерархии субъективных ценностей женщины, конкретно – в снижении его ценности, а содержательно выражаться в распространении отношения к ребенку как к одному из средств, обеспечивающих социальную комфортность женщины, неготовности женщины к восприятию материнства как полноценной роли, требующей больших затрат времени и сил, нежелании выполнять эту роль в ущерб иным социальным ролям. Очевидно, что при наличии такого отношения к самому факту материнства, возникает опасность, как минимум, возникновения серьезных трудностей общения с ребенком.

Неосознанность искажения ценностного содержания материнства обусловлена тем, что речь идет о социальных процессах, являющихся для женщин внешними, как бы заданными правилами, которые в процессе социализации интериоризируются без надлежащей рефлексии и способны повлечь негативные последствия.

Как представляется, в изучении того насколько верно формы, в которых предстает сегодня материнство, способны отразить его ценностную (идеальную) составляющую следует искать криминологически значимые черты, способные указать детерминанты жестокого обращения матери с ребенком. Под формами материнства мы понимаем определенные социальные модели выполнения материнской роли, содержащие набор установок, касающихся стандартов общения и взаимодействия матери и ребенка, распространенные в обществе представления о том, каковы должны быть пределы допустимого физического воздействия на ребенка и какими средствами должны формироваться в личности ребенка предпочтительные для современного человека качества. Подобный взгляд предполагает одновременное обращение как бы к двум нормативным системам: ценностной (мораль, право), содержащей идеал материнства и социальной, отражающей современные тенденции трансформации института семьи и материнства. Но именно такой анализ является продуктивным и позволит увидеть детерминанты, как внутрисемейной преступности, так и раскрыть факторы отдельных видов преступлений, в частности, преступности несовершеннолетних, обусловленные проблемами взаимодействия матери и ребенка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии / под. ред. док. юрид. наук, проф. Д.А. Шестакова. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – 353 с.
2. Трансформация института семьи и семейные ценности / О.В. Кучмаева [и др.] // Вестн. славянских культур. – 2009. – № 3. – Том XIII – С. 20–29.
3. Левина, А.А. Семья в системе ценностей современной молодежи: социологический аспект [Электронный ресурс] / А.А. Левина // Современные научные исследования и инновации. – 2013. – № 10. – Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2013/10/28016>. – Дата доступа: 24.06.2015.

УДК 343.148

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ПРИНЦИПЫ ОЦЕНКИ И РОЛЬ В ДОКАЗЫВАНИИ

К.Е. ХАЖЕНЕЦ

(Представлено: канд. юрид. наук Е.В. ДЕХТЯРЕВ)

Рассмотрены особенности назначения и проведения судебной экспертизы, подробно рассмотрены этапы оценки экспертного заключения; выявлены принципы оценки заключений экспертов, а также показана их роль в доказывании

В современном уголовном процессе четко прослеживается тенденция расширения использования специальных знаний для достижения объективной истины и увеличения роли судебно экспертизы в формировании доказательственной базы по уголовным делам. Изучение научных исследований свидетельствует, что оценка заключения эксперта по-прежнему остается краеугольным камнем уголовного и гражданского процессуального права. Длительная история существования данного института, наряду с повышением роли экспертных заключений при принятии правоприменительных решений, свидетельствует о наличии широкой теоретической, связанной с непониманием истинной роли экспертных исследований в доказывании, и как следствие, не правильным их оцениванием сторонами.

По общему правилу уголовного процесса доказательства равны перед законом и никакие доказательства не имеют заранее установленной силы для лиц, их оценивающих. Вместе с тем совершенно ясно, что увеличение объема знаний, относящихся к специальным, расширение объема применяемых при исследовании объектов экспертизы новейших методов, усложнение приборной базы несомненно требуют особенных форм и методов оценки соответствующих заключений.

В научной литературе сформулировано множество подходов к оценке заключения эксперта. Так, Р.С. Белкин, отмечал, что «критически анализируя заключение эксперта, следователь должен: а) проверить соблюдение процессуального порядка подготовки, назначения и проведения экспертизы и оценить последствия его нарушения, если таковое допущено; б) проверить соответствие квалификации и опытности эксперта предмету экспертизы; в) убедиться в полноте заключения, в том числе и предшествовавшего выводам исследования; г) оценить научную обоснованность заключения; д) оценить содержащиеся в заключении эксперта доказательства с точки зрения их относимости к делу, допустимости и места в системе иных доказательств» [1, с. 287].

Анализ и обобщение научных исследований позволило выделить несколько «условных» этапов оценки любого экспертного заключения: соблюдение общих процессуальных норм; оценка самого заключения на предмет полноты, достоверности и аргументированности выводов; соответствие выводов другим имеющимся по делу доказательствам.

Проверка соблюдения процессуальных норм, касающихся в первую очередь соблюдения прав участников процесса при назначении и производстве экспертизы, имел ли право эксперт на производство этой экспертизы (его квалификация, специальность, отсутствие оснований для отвода и т.п.), правильно ли процессуально получены объекты и образцы для исследований; существуют ли иные процессуальные нарушения, делающие заключение эксперта юридически недействительным (например, отсутствие подписи эксперта) и т.д. Все нарушения такого плана приводят к юридической несостоятельности экспертизы и дальнейшая оценка уже не требуется. Применительно к доказательствам данный этап оценки во многих научных исследованиях, связывается с проверкой допустимости заключения эксперта.

Под допустимостью понимают пригодность сведений, установленных экспертным путем, именно в качестве судебных доказательств и возможность их использования в доказывании. При определении допустимости доказательств учитывается: соответствие субъекта экспертизы (эксперта) определенным требованиям; законность источников, средств, приемов и других условий получения доказательств и их использования. Это означает, что те доказательства, которые получены с нарушением требований норм закона, являются недопустимыми, не имеют юридической силы, не могут использоваться для доказывания.

Стадия непосредственной оценки самого заключения является наиболее специфической, так как следователь или судья не являются специалистами в отдельных отраслях знаний. Так, основная трудность оценки состоит в том, что заключение эксперта – это документ, содержащий описание исследования, проведенного лицом, обладающим специальными знаниями, а выводы по вопросам, поставленным перед экспертом, оцениваются субъектом, ведущим производство по уголовному делу и не имеющим специальных знаний в данной области. Но это совершенно не означает, что указанные лица не способны оценить заключение.

Как отмечает А.В. Аверьянова, содержательная сторона оценки заключения эксперта включает в себя научную обоснованность применяемых методов, средств, методик исследования; правильность и правомерность использования последних; логичность умозаключений эксперта; полноту и обстоятельность проведенного исследования; правильность выявленных экспертом признаков и, как результат, обоснованность сделанных им выводов; соответствие последних промежуточным результатам и проведенному исследованию в целом, их логическую непротиворечивость [2, с. 462].

Вот что писал по этому поводу В.К. Лисиченко: «При проверке методической стороны заключения следователь и суд должны выяснить: а) правильно ли избрана методика исследования и полно ли она описана в заключении; б) обеспечивает ли проведенное исследование решение поставленных вопросов, описаны ли применявшиеся приемы и технические средства (приборы, реактивы и др.), какие получены результаты, их мотивированность; в) какие положения специальных знаний использованы экспертом для обоснования результатов исследования; г) достаточно ли было представленных материалов для исследования и выводов эксперта; д) соответствуют ли проведенные исследования уровню развития специальных знаний и возможности данного вида судебной экспертизы» [3, с. 33].

Третьим и заключительным этапом проверки экспертного заключения можно считать проверку его соответствия другим имеющимся по делу доказательствам. Она проводится в уголовном судопроизводстве – дознавателем, следователем, прокурором, судом, а в гражданском судопроизводстве – только судом путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в деле, а также получением иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство. После полного, всестороннего и объективного рассмотрения каждого из них, необходимо переходить к обнаружению противоречий между ними и их устранению. Совокупность именно всех доказательств, а не некоторых выборочных, должна не оставлять никаких сомнений в правильности итогового вывода по делу.

Следует отметить, что вопросу оценки заключения эксперта в совокупности с иными доказательствами уделялось значительное внимание задолго до формирования теоретических основ судебной экспертизы. Еще в дореволюционную эпоху возникла концепция обязательной силы экспертных заключений, в основу которой был положен взгляд на эксперта как на научного судью. Есть судьи права и судьи факта. Эксперт – это судья факта, выводы которого по делу фактически не подлежат оценке наряду с другими доказательствами [2, с. 465]. Данный взгляд активно поддержал известный русский процессуалист Л. Е. Владимиров, по мнению которого «эксперты, основывающие свое заключение на какой-либо науке, суть научные судьи, приговор которых является решением специального вопроса в деле». Он утверждал, что «судьи и присяжные не могут критически относиться к экспертизе, для понимания оснований которой требуется ряд лет научных занятий. Им остается только следовать авторитетному указанию экспертов». И констатировал: «Суд самостоятелен в выборе экспертов. Но раз последние выбраны – судья следует за ним, как слепой за поводырем» [4, с. 197].

Были и оппоненты у данной точки зрения, среди которых, прежде всего, следует назвать Г. Гросса. Вот что он писал по этому поводу: «Никогда не следует забывать, что даже самый лучший эксперт не есть уголовный судья и что заключение эксперта только тогда получает надлежащую цену, когда оно исходит как бы от лица самого следователя, в котором предполагаются соединенными все специальные знания» [5, с. 4]. Такое положение можно объяснить тем, что следователи того времени, не разбираясь достаточно профессионально в примененных экспертом методах, технических средствах и экспертных методиках, следователь и суд вынуждены были в большинстве случаев полагаться на авторитет либо эксперта, либо автора методики или метода, либо органа или учреждения, давшего «добро» на применение данной методики. При таком положении дел ни о какой оценке не могло быть речи, если вместо убежденности основанием становилась вера. В современном же уголовном производстве такой подход к оценке экспертизы неприемлем.

Следует иметь в виду, что заключение экспертизы может быть оценено также с точки зрения формы вывода. Так, выводы эксперта могут иметь форму категорического или предположительного заключения. Категорический вывод свидетельствует о том, что в результате исследования установлены признаки, которые, по мнению эксперта, достаточны для достоверного разрешения поставленного перед ним вопроса. Если же обнаруженные признаки не обеспечивают безусловной достоверности вывода, но позволяют судить о факте с высокой степенью вероятности, эксперт дает предположительное заключение. Независимо от формы вывода эксперта он должен быть оценен по существу, с точки зрения его фактической обоснованности и непротиворечивости. Информация о факте, полученная посредством экспертизы, сопоставляется с информацией о том же факте, полученной из других источников. Такой метод обеспечивает всестороннюю проверку заключения эксперта и достаточную надежность итогового вывода следователя и суда о подлежащем установлению обстоятельстве.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что заключение экспертизы оценивается по общим правилам оценки доказательств. При этом само заключение экспертизы должно быть оценено с точки зрения его допустимости, содержательной стороны проведенного исследования, а также соответствия другим доказательствам, имеющимся в деле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкин, Р.С. Собрание, оценка и исследование доказательств / Р.С. Белкин. – М., 1966. – 295 с.
2. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории / Т. В. Аверьянова. – М. : Норма, 2009. – 480 с.
3. Лисиченко В. К. Особенности проверки и оценки заключений экспертизы на предварительном следствии и в суде / В. К. Лисиченко // Криминалистика и судебная экспертиза. – Киев, 1982. – Вып. 24. – С. 30–36.
4. Владимиров, Л.Е. Учение об уголовных доказательствах / Л.Е. Владимиров. – СПб., 1910. – 331 с.
5. Гросс, Г. Руководство для судебных следователей как системы криминалистики / Г. Гросс. – СПб., 1908. – 1088 с.

УДК 343.148

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВЕРОЯТНОСТНЫХ ВЫВОДОВ ЭКСПЕРТА, СДЕЛАННЫХ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РЕШЕНИЯ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ЗАДАЧ

К.Е. ХАЖЕНЕЦ

(Представлено: канд. юрид. наук Е.В. ДЕХТЯРЕВ)

Рассматриваются особенности оценки и возможность использования следователем и судом предположительных (вероятностных) выводов эксперта, при решении последним идентификационных задач. Делается вывод о том, что использование вероятностных выводов эксперта можно использовать при обосновании процессуальных решений.

Вероятностный вывод – это заключение эксперта, при котором он не может в категорической форме ответить на поставленный вопрос. По мнению отдельных ученых, такое заключение экспертизы не вправе служить ни обвинительным, ни оправдательным доказательством в силу вытекающего из презумпции невиновности и не знающего никаких исключений правила, в силу которого приговор не может основываться на предположениях. Однако такое положение фактически лишает следователя и суд ценной доказательственной информацией в тех случаях, когда эксперт не находит достаточных оснований для категорического ответа. Особенно явно это проявляется при проведении экспертиз, направленных на решение идентификационных задач. Например, в последние годы в судебной медицине, особенно при исследовании биологических объектов, широко используется метод генотипоскопии (ДНК-анализа), доказательность результатов применения которого имеет различную степень, но никогда не достигает

100 % [1, с. 216]. Все это требует более тщательно рассмотреть вопрос об информационной сущности вероятностных выводов эксперта, а также особенностях его оценки.

Вероятный вывод эксперта представляет собой обоснованное предположение (гипотезу) эксперта об устанавливаемом факте. Обычно вероятные выводы отражают неполную внутреннюю убежденность эксперта в достоверности аргументов и доказанности факта, они допускают возможность существования факта, но не исключают существование и абсолютно другого, противоположного факта [2, с. 42]. Следует отметить, что вероятный вывод может быть сформулирован экспертом лишь при очень высокой степени вероятности устанавливаемого факта. Это обычно случается, когда экспертам «чуть-чуть не хватает» до полной уверенности. Но не только от уверенности эксперта зависит вероятность вывода. Например, неоднократны случаи, когда эксперту предоставляются некачественные или неполные объекты для исследования, либо же методика, которую использует эксперт, ограничена в своих возможностях и не может дать нам нужного результата. Иными словами, если материалы, предоставленные эксперту, оказываются недостаточными для категорического ответа на поставленный перед ним вопрос (след пальца неясен или смазан, след ноги частично поврежден, оспариваемая надпись состоит из нескольких штрихов, которые плохо отображают навыки письма и т.д.), то даже самый опытный эксперт, с применением современных методов научного исследования, не сделает категорический вывод по материалам [3, с. 46].

Правильное разрешение вопроса о значении вероятного вывода эксперта возможно лишь на основе анализа заключения экспертизы как судебного доказательства. В любом заключении экспертизы необходимо различать: 1) общие положения той отрасли знания, представителем которой является эксперт; 2) фактические данные, установленные в процессе исследования; 3) вывод, вытекающий из сопоставления обнаруженных в процессе исследования фактов с закономерностями, установленными данной отраслью знания. Оценка заключения эксперта требует анализа каждого элемента заключения в отдельности и всех их в совокупности. Нас интересует именно последняя часть заключения, которая представляет собой вывод, вытекающий из сопоставления обнаруженных в процессе исследования фактических данных с закономерностями, установленными данной отраслью знания. Такой вывод делается путем оценки фактических данных на основе специальных знаний экспертов. Если устанавливается, что комплекс обнаруженных совпадений является индивидуальным, то есть неповторим ни у какого другого объекта, экспертом дается категорический вывод. Если же совокупность установленных совпадений, индивидуализируя объект, не исключает полностью возможности ее повторения в другом объекте, эксперт приходит к вероятному выводу о тождестве.

Фактические данные, установленные в процессе исследования, дают в этих случаях основание лишь для научно обоснованного предположения о тождестве. А так как выводы суда о событии преступления и виновности обвиняемого должны строго соответствовать действительности, быть объективно истинными, в их основе не могут лежать предположения, догадки. Это значит, что приговор должен быть основан на тщательно проверенных и точно установленных фактах. Из этого мы можем сделать вывод, что судебными доказательствами могут быть лишь факты, бесспорно установленные по делу, значит, если само существование какого-либо факта вызывает сомнение, то он не может быть использован в качестве доказательства [4, с. 29]. Каково же при этих условиях значение вероятных выводов экспертизы? Вероятные выводы основываются на обнаружении совокупности совпадений идентификационных свойств. Эти совпадения представляют объективно установленные факты, дающие основание для предположения о тождестве. Степень вероятности такого предположения зависит от количества и характера установленных совпадений. Иными словами, можно утверждать, что доказательственное значение вероятного вывода эксперта определяется количеством и качеством совпадений, которые образуют фактические основания вывода эксперта.

Следует отметить, что доказательственное значение совпадений, установленных вероятным выводом, аналогично фактам, установленным другими источниками доказательств [5, с. 128]. Так, например, при опознании задержанного потерпевшим по общим признакам внешности (рост, фигура, цвет одежды, походка и т. д.) устанавливается совпадение ряда физических признаков преступника и задержанного лица. Спрашивается, имеют ли какое-либо доказательственное значение как сами эти совпадения, так и показания потерпевшего по этому поводу? Совпадение такого рода признаков не является достаточным для достоверного вывода о тождестве. Однако установление этих совпадений, несомненно, является одним из доказательств в тождестве задержанного и преступника. При наличии других доказательств (например, в случае обнаружения на одежде задержанного следов борьбы с потерпевшим и пятен крови, обнаружения на месте преступления следов, оставленных обувью задержанного, наличия у него вещей потерпевшего и т.п.) суд может сделать достоверный вывод о тождестве [6, с. 266].

Аналогичное значение имеют совпадения идентификационных свойств, устанавливаемые вероятным выводом эксперта. Совпадение общих и некоторых частных признаков, почерка при отсутствии устойчивых различий в сравниваемых рукописях дает эксперту основание лишь для предположения и недостаточно для категорического вывода о тождестве личности. Однако, если в процессе расследования

будут обнаружены другие, подтверждающие этот вывод доказательства, вероятный вывод эксперта может послужить одним из оснований достоверного разрешения вопроса о тождестве. Допустим, вероятный вывод графической экспертизы подкреплён такими доказательствами, как установление однородности бумаги, использованной для составления сравниваемых рукописей; установление действий, совершенных заподозренным лицом по подготовке к выполнению рукописи, ее пересылке, обнаружение на ней следов рук этого лица и др. При этих условиях вполне возможен достоверный вывод о тождестве [5, с. 129].

Из вышеуказанного видно, что фактические данные, установленные вероятным выводом эксперта в совокупности с другими доказательствами могут служить основанием для достоверного вывода о тождестве. Этим определяется и порядок использования вероятного вывода эксперта. В связи с тем, что вероятный вывод является лишь одним из доказательств тождества, суду и следователю нужно обнаружить другие доказательства этого факта, которые в своей совокупности обеспечили бы безусловную достоверность разрешения вопроса о тождестве.

Проиллюстрируем это положение примером из практики. В одноэтажном городском жилом доме была совершена кража. При осмотре места происшествия удалось установить, что преступник проник в помещение через окно. Об этом свидетельствовали следы ног на подоконнике и на полу. На оконной раме обнаружены темные пятна вещества, похожего на смазочное масло. Подозрение в краже пало на П., работавшего слесарем. Пятна смазочного масла на оконной раме и руках Н. давали основание предположить, что последний прикасался к створкам окна, через которое проник преступник. Дактилоскопическая экспертиза определила, что пятна смазочного масла на раме представляют собой нечеткие следы пальцев, причем было установлено совпадение отдельных особенностей папиллярных линий следа с папиллярным узором указательного пальца правой руки Н. Эти признаки дали эксперту основание предположить, что следы пальцев на оконной раме оставлены Н. Наряду с этим была установлена однородность химического состава масла в пятнах на створке окна и на руках Н. При обыске у Н. нашли некоторые похищенные вещи. Под тяжестью улик Н. сознался в краже [5, с. 129].

Отрицание некоторыми авторами доказательственного значения вероятных выводов основывается на том, что они в отличие от выводов категорических якобы не устанавливают достоверно никаких фактов. Между тем, как об этом сказано выше, заключение экспертизы как при категорических, так и в случаях вероятных выводов основывается на совокупности достоверно установленных совпадений свойств сравниваемых объектов. Что же касается категорических или вероятных выводов эксперта, то они выражают оценку достоверности установленного факта, произведенную экспертом. Окончательная же оценка достоверности факта осуществляется, как известно, судом как в отношении категорических, так и в отношении вероятных выводов эксперта. Суд может, например, оценить категорический вывод эксперта лишь как научно обоснованное предположение или мотивированно отклонить его [7, с. 473]. Таким образом, отказ от использования вероятных выводов экспертов является в той же мере неправильным, как и некритический подход к категорическим выводам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грицаенко, П.П. К вопросу о категорической и вероятной формах выводов судебно-медицинского эксперта / П.П. Грицаенко // Российский юридический журнал. – 2011. – № 1. – С. 214–216.
2. Арсеньев, В.Д. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела / В.Д. Арсеньев, В.Г. Заблочкий. – Красноярск : Краснояр. ун-та, 1986. – 152 с.
3. Орлов, Ю.К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам / Ю.К. Орлов – М., 1995. – 64 с.
4. Виноградов, И.В. Экспертизы на предварительном следствии / И.В. Виноградов, Г.И. Кочаров, Н.А. Селиванов. – М., 1967. – 248 с.
5. Колдин, В.Я. Идентификация при производстве криминалистических экспертиз / В.Я. Колдин – М., 1957. – 133 с.
6. Сорокотягина, Д.А. Теория судебной экспертизы / Д.А. Сорокотягина, И.Н. Сорокотягин. – Ростов н/Д, 2009. – 441 с.
7. Аверьянова, Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории / Т.В. Аверьянова. – М. : Норма, 2009. – 480 с.

УДК 343.971

НЕПОЛНОТА СЕМЬИ КАК КРИМИНОГЕННЫЙ ФАКТОР

Е.А. ГУРОВА

(Представлено: канд. юрид. наук Ю.Л. ПРИКОЛОТИНА)

Форма и качество семейных отношений рассматриваются криминологической наукой на предмет выявления способности вызывать либо обуславливать совершение преступлений несовершеннолетними членами семьи. Неполнота семьи, будучи рассмотренной с различных позиций, позволяет выйти на объяснение преступности несовершеннолетних.

С конца 60-х-начала 70-х годов XX века семья стала объектом пристального внимания ученых криминологов. Исследования семьи предпринимаются последними в связи с необходимостью выявления как внутрисемейных криминогенных факторов, так и антикриминогенного потенциала семьи. В связи с этим в предмет семейной криминологии закономерно входит влияние семьи на преступность несовершеннолетних, равно как и ее способность нейтрализовать криминогенные проявления воспитуемых [1, с. 147].

Необходимость вовлечения феномена семьи в процесс объяснения преступлений, совершаемых несовершеннолетними, а также его востребованность при построении модели предупреждения преступности данного вида представляются достаточно очевидными.

Руководствуясь позицией исключительной значимости семьи для поведения детей, криминологическая наука как научная дисциплина, вызванная к жизни наличием феноменов преступления и преступности, уделяет существенное внимание поиску взаимосвязей между состоянием отношений в семье несовершеннолетнего и его противоправным поведением. Свидетельством тому является существенный объем научных работ по данной проблематике.

Тем не менее, необходимо заметить, что семейные отношения (семья как социальный институт), претерпели и претерпевают значительные изменения [2]. В связи с этим криминология должна реагировать на вызовы времени и в связи с новейшими тенденциями осуществлять проверку своих методологических наработок.

Одной из новейших тенденций, наблюдаемых в семейной сфере, является рост удельного веса семей, в которых ребенок (дети) воспитывается одним родителем. В настоящее время таких семей в Республике Беларусь насчитывается около 15 % [3].

В советской и постсоветской науке и социальной риторике устоялось непоколебимое представление о том, что неполная семья является потенциально криминогенной. Однако кризис семьи, проявляющийся в изменении стереотипов относительно модели семейных отношений, оказывает воздействие на методологический аппарат криминологической науки. Так, к новейшим методологическим веяниям, можно сказать, моде, относятся феминистические и гендерные исследования, основанные на соответствующей идеологии/методологии [4]. Лейтмотивом упомянутых направлений является критика традиционной семьи, понимаемой как формы отношений, основанной на гендерном неравенстве и власти отца. И если на постсоветском пространстве официально признается необходимость полной семьи для благополучного воспитания ребенка, то западноевропейская тенденция состоит в отказе от традиционной структуры семьи, традиционной формы семейных отношений, от определения эталона (идеала) семьи в принципе.

Справедливости ради и в целях достижения полноты картины, необходимо отметить, что значимые тенденции последнего времени, которые возможно назвать интеллектуальной модой, заключаются также в скептическом отношении ко всем социальным институтам, в том числе к семье. Общий тон, доминирующий в дискуссиях о семье, сводится к признанию ее исключительно личным делом, в рамках которого никакие закономерности не могут быть выявлены. Исключение составляет «догмат» суверенности самоопределения личности (субъективизма). Последняя проявляется, в частности, в допустимости усыновления детей однополными парами и признании свободы половой самоидентификации. Однако следует заметить, что официальные институты постсоветских государств все же придерживаются политики признания в качестве нормативной модели семьи, состоящей из двух разнополых родителей.

Таким образом, криминологическая наука столкнулась с очередным вызовом времени, вызовом, обусловленным изменениями в социально-культурном пространстве, и должна снова поставить вопрос о модели криминогенной, а следовательно и некриминогенной семьи.

Таким образом, предпринимая криминологическое исследование проблемы неполной семьи в связи с преступностью несовершеннолетних, невозможно избежать выяснения природы семьи, что неминуемо приведет криминолога к фиксации многих сторон семейной жизни. Однако исходным и основным пунктом его внимания будет являться феноменология семьи, предполагающая рассмотрение семьи не в связи с ее функциональностью, а в качестве некоего чувствующего себя единства.

Полагаем, что закономерным и эффективным способом определения понятия «полнота семьи» является его выяснение через определение сущности самой семьи. Здесь мы должны сказать, что хотя семья и является предметом изучения многих научных дисциплин, которые подходят к ней функционально (исходя из объекта и метода конкретной науки), криминология вынуждена производить селекцию результатов научных исследований исходя из ее собственного метода. Полагаем, что для достижения целей исследования наиболее востребованной является ценностная составляющая семьи как непосредственно связанная с проблемами правосознания как душевно-духовным феноменом.

Семья, являясь для ребенка первым, естественным и ближайшим сообществом, оказывает на формирующуюся личность уникальное по своей многоаспектности (полноте) воздействие. И.А. Ильин называет это качество, состояние детского сознания органической непосредственностью [5, с. 202]. Безальтернативная существенность, то есть незаменимость семьи обусловлена тем, что семейственность является по сути единственно адекватным способом становления человеческого индивида как личности.

Форма и содержание семейных отношений непосредственно и некритически воспринимаемые ребенком (в особенности в процессе первичной социализации), формируют фундаментальные структуры личности.

Непосредственность восприятия, столь характерная для начального этапа развития ребенка, требует заметить, что семья предстает для ребенка в качестве *микровоспроизведения общества*, то есть образца человеческих взаимоотношений в принципе и даже более того – в качестве *образа мироздания*. В связи с этим семья является не только необходимой, но и незаменимой для ребенка. Незаменимость семьи необходимо признать обусловленной уникальностью союза, возникающего между отцом и матерью, и являющейся первопричиной рождения детей как закономерного следствия супружеской любви, а соответственно – сущностью отношения к ребенку [6, с. 8].

Гениальнейшее по своей полноте определение семьи с позиции феноменологии мы находим у Г.В.Ф. Гегеля: «Семья как *непосредственная субстанциальность* имеет своим определением свое *чувствующее* себя единство, *любовь*, так что унастроение внутри семьи состоит в обладании самосознанием своей индивидуальности в *этом единстве* как в себе и для себя сущей существенности, чтобы являть себя в ней не как лицо для себя, а как *член* этого единства» [7, с. 208].

Достижение единства является как сущностью, так и целью семьи (если рассматривать последнюю как феномен становящийся). В таком случае необходимо признать, что исходной позицией семьи является принципиальная незаменимость и принципиальная инаковость входящих в нее лиц. Максимальное проявление инаковости заключается в принадлежности к иному полу. Говоря словами В.С. Соловьева, изложенными на страницах «Смысла любви», человек не равен самому себе, человек ищет себя через другого, ищет своего восполнения и бытийственного осуществления в своей общности с другим человеком. И прежде всего – с человеком другого пола, со своей столь родной и столь не похожей на себя «половиной». И эта ситуация качественно меняет супругов, будущих родителей, создавая фундамент семьи и образуя уникальность семьи [8].

Г.В.Ф. Гегель на страницах «Философии права» говорит об интеллектуальном и нравственном значении разделения полов, обусловленном их природным назначением. Сущностью женского начала является инстинктивная чувственность и субъективность, а природа мужского заключается в направленности на объективную конечную цель, на познание и воплощение всеобщего [9, с. 215]. Нетрудно заметить, что соединение, совмещение полов, осуществляющееся в форме семьи, то есть естественного единения полов, преобразованного моральным сознанием, образует целостность, *полноту человеческого существования*, предстающую для ребенка в качестве факта жизни и содержания сознания, в том числе представленностью всех компонентов правосознания – интеллектуального, эмоционального и волевого.

Итак, полноту семьи в связи с перспективой постановки и решения проблемы криминогенности неполной семьи необходимо определить как воплощенное взаимодополнение, выраженное в единении материнства и отцовства как родительства. Полнота семьи является воплощением полноты человеческого существа и стимулирует (обеспечивает) полноту развития правосознания ребенка.

Проблема криминогенности «неполной семьи» рассматривается преимущественно в связи с представлениями о том, что двое родителей лучше справляются с воспитанием, чем один. Речь при этом идет о физических, организационных и экономических составляющих семейного общежития. Однако, как мы видим, для объяснения криминогенности неполноты семьи такой подход не вполне пригоден, так как не учитывает ту составляющую семьи, которая образует фундамент сознания личности, в том числе и остов здорового правосознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мясникова, К.А. Преступное насилие в криминофамилистике / К.А. Мясникова // Общество и право. – 2012. – №2 (39). – С. 147–154.
2. Национальное исследование причин семейного неблагополучия в Республике Беларусь (2007-2008) [Электронный ресурс] / Белорусский гос. ун-т, Ин-т экономики НАН Беларуси, Белорусский гос. педагогический ун-т им. М. Танка // Фонд организации объединенных наций в области народонаселения (ЮНФПА) в Беларуси. – Режим доступа: <http://un.by/ru/unfpa/gender-equality/resource-centre/results-of-researches/rr-03.html>. – Дата доступа: 05.10.2015.
3. Национальное исследование причин семейного неблагополучия в Республике Беларусь (2007-2008) [Электронный ресурс] / Белорусский гос. ун-т, Ин-т экономики НАН Беларуси, Белорусский гос. педагогический ун-т им. М. Танка // Фонд организации объединенных наций в области народонаселения (ЮНФПА) в Беларуси. – Режим доступа: <http://un.by/ru/unfpa/gender-equality/resource-centre/results-of-researches/rr-03.html>. – Дата доступа: 05.10.2015.
4. Здравомыслова, Е. Феминистские рефлексии о полевым исследовании / Е. Здравомыслова, А. Темкина // *Laboratorium*. – 2014. – №6(1). – С. 84–112.
5. Ильин, И.А. Путь духовного обновления / И.А. Ильин // Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993. – 431 с.
6. Овчарова, Р.В. Родительство как психологический феномен: учеб. пособие / Р.В. Овчарова. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. – 496 с.
7. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель; пер. с нем.; ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.

8. Рашковский, Е.Б. Феномен семьи (междисциплинарные заметки) [Электронный ресурс] / Е.Б. Рашковский. – Вопросы философии. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=219&Itemid=52. – Дата доступа: 05.10.2015.
9. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель ; пер. с нем. : ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц ; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.

УДК 343.971

ЗНАЧЕНИЕ ПОЛНОТЫ СЕМЬИ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ РЕБЕНКА

Е.А. ГУРОВА

(Представлено: канд. юрид. наук Ю.Л. ПРИКОЛОТИНА)

Неполнота семьи рассматривается в качестве «традиционного» криминогенного фактора. Способность неполноты семьи порождать либо обуславливать преступность несовершеннолетних может быть объяснена посредством рассмотрения процесса формирования/деформирования правосознания как структуры личности непосредственно ответственной за выбор преступного способа поведения. Успешное решение данной задачи возможно лишь посредством первоначального выяснения значения полноты родительской семьи для формирования правосознания ребенка.

Исследование семьи на предмет выявления ее способности порождать либо обуславливать преступность несовершеннолетних может и должно быть конкретизировано в связи со способностью семьи, выраженной во всей полноте ее жизни, оказывать воздействие на формирование и развитие фундаментальных структур личности ребенка.

Закономерно, что в связи с избранным предметом – преступностью несовершеннолетних – максимально востребованным для объяснения личностным феноменом является правосознание. В связи с этим в настоящей работе будут представлены размышления относительно возможности использования определения понятия «полнота семьи» в связи с формированием правосознания ребенка.

В первую очередь обратимся к уяснению сущности правосознания. Следует заметить, что необходимо вести речь не просто о правосознании, но о нормальном, позитивном правосознании, исключающем возможность совершения правонарушения/преступления.

По мысли И.А. Ильина, выполнившего уникальное по своей глубине и правдивости исследование феномена правосознания, основой нормального правосознания может быть только *воля к духовной жизни как верховному благу*. Нормальное правосознание подходит к праву не с точки зрения частных, чисто личных интересов, но отправляясь прежде всего от его основной, единой и всеобщей *цели*. Нормальное правосознание есть воля к праву, проистекающая из воли к духу [1, с. 236].

Эту волю надлежит понимать не как «решение» одной только сознательно-разумной части души, но как целостное стремление, охватывающее и неразумные тайники ее и в них именно черпающее свою жизненную силу. Такое состояние целостного, гармонического и разумно-оправданного хотения, направленного на верховное и универсальное благо, является само по себе одним из высших достижений в нравственной жизни человека. А это означает, что нормальное правосознание может быть развито и упорочено в душе только в связи с ее общим, моральным и нравственным воспитанием [2, с. 237].

Сущность родительского (семейного) воспитания как целенаправленной деятельности состоит в создании родителями условий для самостоятельного и творческого усвоения ребенком истин духовной жизни, составляющих основы здорового правосознания. Однако по сути воспитательным характером обладает вся семейная атмосфера, которая непосредственно действует на ребенка.

Условия развития нормального правосознания, то есть свойства семейной жизни, которые максимально способствуют инициации самостоятельного процесса формирования убежденности ребенка в истинности (необходимости, неизбежности, верности и т.д. следования требованиям права, любви к праву и правомерного поведения) вполне могут быть смоделированы. Однако перед осуществлением этого интеллектуального мероприятия необходимо сделать ряд отступлений, вызванных актуальным состоянием социального института семьи.

Как представляется, проблема состоит в том, что современная семья, в связи с переживаемыми ею трансформациями, не вполне приспособлена для формирования нормального, здорового правосознания. Современная семья, ее идеал, видится как семья эгалитарная [3]. В такой семье дети уходят на второй план, они могут рассматриваться как нечто избыточное, так как семья рассматривается в качестве одной из форм самореализации мужчины и женщины, то есть как субъективно ориентированное функциональное образование. Необходимость отца и матери связываются современными психологами и социологами

преимущественно с закономерностями формирования представлений о социальных ролях мужчины и женщины. При этом отец и мать рассматриваются отдельно друг от друга – как некие функции.

По нашему мнению, риторика такого рода вызвана общей тенденцией цивилизованного мира (западного и прозападного) отказываться от признания семьи как формы отношений определенности. Эта тенденция проявляется преимущественно в расширении форм допустимых половых отношений (что напрямую связано с отказом от объективных признаков пола). Иначе говоря, современная семья может быть любой. То есть семья – это все, что угодно.

Однако одновременно весьма ощутимой является противоположная тенденция – увеличение степени формализации прав ребенка и соответственно увеличение внимания к их соблюдению в условиях семьи (родителями). Соответственно, предъявляются жесткие требования к содержанию этих отношений. Права ребенка отнесены к публичной сфере и в этом смысле семейная жизнь все более приобретает свойства публичности.

В условиях развивающегося противоречия возникает парадоксальная ситуация – одновременное существование множества моделей семьи, многие из которых находятся в состоянии логического противоречия.

Однако теперь нам необходимо вспомнить, что настоящее исследование является правовым, то есть исходит из признания права в качестве социального института, то есть ценностно-нормативного образования, обеспечивающего фундамент общества. И потому при всем многообразии форм семейных отношений, все они не могут явиться основой для настоящего исследования, но лишь та, которая адекватна, естественна и единственно нормальной правосознанию. При всей возможной вариативности форм сожительства, при произведении правового исследования надлежит ориентироваться на те, которые основаны на инвариантном в личности. Таковой является традиционная семья, то есть семья, основанная на христианской традиции, предполагающая обязательность отца и матери и заданное содержание семейных отношений. Как замечает И.А. Ильин: «Ибо в браке и семье человек учится от природы – любить, из любви и от любви страдать, терпеть и жертвовать, забывать о себе и служить тем, кто ему ближе всего и милее всего. Все это есть не что иное, как христианская любовь. Поэтому семья оказывается как бы естественною школою христианской любви, школою творческого самопожертвования, социальных чувств и альтруистического образа мыслей». В этой связи уместным также будет привести мысль, высказанную С.С. Аверинцевым: «Благословенная трудность семьи – в том, что это место, где каждый из нас неслышанно близко подходит к самому важному персонажу нашей жизни – к Другому» [4]. Именно к такому ключу надлежит понимать сущность семьи – к признанию человека главным персонажем жизни и главным ориентиром формирования позитивного правосознания.

Под полнотой семьи в настоящей работе будет пониматься воплощенная взаимодополнительность, выраженная в единении материнства и отцовства как родительства. Так, психологи отмечают, что в полной семье мать выполняет функцию эмоционального фона семьи, создает теплую семейную атмосферу близости, доверительности и понимания. А отец в большей мере представляет функцию нормативного контроля, создает систему оценок, осуществляет регуляцию поведения [5, с. 240]. Таким образом, можно убедиться в том, что отец и мать, образуя целостность, представляют для ребенка всю полноту человеческого существа, первобытную, но при этом полнейшую картину мироздания – народа, государства, человечества.

Исследования И.А. Ильина, его понимание правосознания, исходят из того же основания, которое порождает традиционную семью. Для традиционной семьи характерны такие качества как четкая определенность мужского и женского предназначения, их заданность, иерархичность, авторитет родителей, верность, судьбоносность, духовные основания. Такими же качествами обладает и нормальное правосознание.

Также необходимо признать, что семья есть целое, органическая группа и таким же образом воспринимается, ощущается ребенком (как целое, неотъемлемой частью которого осознает себя ребенок). Потому без феноменологии семьи и феноменологии правосознания при верном решении проблемы правосознания не обойтись. Семья формирует основы ценностного сознания. Именно потому семью возможно назвать «очагом духовности», школой социальной жизни, первичной формой духовного единения.

В основе нормального, здорового правосознания лежит верное понимание *единства* – семьи, народа. Из семьи вырастает чувство взаимосвязанности всех людей. То есть у ребенка, познавшего в семье сущность *единства всех людей при всем их разнообразии* (максимально интенсивной формой которого является половая принадлежность), разовьется нормальное, здоровое правосознание.

Весьма важным моментом семьи и правосознания является *верность*. Верность есть проявление такого отношения к другим людям, которое состоит в признании их уникальности и безусловного достоинства. Верность же в отношении члена семьи является одновременно и верностью самой семье как единству людей.

Иным моментом семьи является *судьбоносность*. Так, ребенок приходит в уже созданную семью, которая является для него данностью, ведь родительской семьи он не создавал. Отец и мать образуют для ребенка как бы предустановленную для него судьбу. Он не может этого изменить, ему остается лишь

принять и нести всю жизнь. Признание права, законов общественной жизни также связано с судьбоносностью и требует отказа от произвола. В связи с этим следует заметить, что развод родителей, вообще возможность развода родителей разрушает в ребенке нечто фундаментальное.

Правосознание также предполагает признание авторитета права, уважение к нему. И семья учит ребенка верному восприятию *авторитета*. В лице естественного авторитета отца и матери ребенок встречается с идеей ранга и учится воспринимать высший ранг другого лица, преклоняясь, но не унижаясь; и научается мириться с присущим ему самому низшим рангом, не впадая ни в зависть, ни в ненависть, ни в озлобление. Он научается извлекать из начала ранга и из начала авторитета всю их творческую и организационную силу, в то же время освобождая себя духовно от возможного «гнета» посредством любви и уважения. Ибо только свободное признание чужого высшего ранга научает переносить свой низший ранг без унижения; и только любимый и уважаемый авторитет не гнетет душу человека [6].

Семья есть духовное единение, так как порождает чувство *взаимной духовной принадлежности*. Последнее является основой здоровой гражданственности и патриотизма.

В здоровой семье есть один-единственный отец и одна-единственная мать, которые совместно представляют единый – властвующий и организующий – авторитет в семейной жизни. В этой естественной и первобытной форме авторитетной власти ребенок впервые убеждается в том, что власть, насыщенная любовью, является благой силой и что порядок в общественной жизни предполагает наличность такой единой, организующей и повелевающей власти и начинает понимать, что авторитет духовно старшего человека совсем не призван подавлять или поработать подчиненного, пренебрегать его внутренней свободой и ломать его характер, но что наоборот, он призван воспитывать человека к внутренней свободе [6]. Благодаря этому семья становится как бы начальной школой для воспитания свободного и здорового правосознания.

Семья есть первая, естественная школа *свободы*. В ней ребенок должен в первый, но не в последний раз в жизни найти верный путь к внутренней свободе; принять из любви и уважения к родителям все их приказы и запреты во всей их кажущейся суровости, вменить себе в обязанность их соблюдение, добровольно подчиниться им и предоставить своим собственным воззрениям и убеждениям свободно и спокойно созреть в глубине души. Благодаря этому семья становится как бы начальной школой для воспитания свободного и здорового правосознания [6].

Суждением, которое предлагается в качестве вывода представленной работы, является следующим: полнота семьи является воплощением полноты человеческого существа и стимулирует полноту развития правосознания. Иначе говоря, полнота семьи способствует развитию нормального, позитивного, здорового правосознания ребенка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин, И.А. Собрание сочинений : в 10 т. / И.А. Ильин ; сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М. : Русская книга, 1994. – Т. 4. – С. 236.
2. Там же. – С. 237.
10. Национальное исследование причин семейного неблагополучия в Республике Беларусь (2007-2008) [Электронный ресурс] / Белорусский гос. ун-т, Ин-т экономики НАН Беларуси, Белорусский гос. педагогический ун-т им. М. Танка // Фонд организации объединенных наций в области народонаселения (ЮНФПА) в Беларуси. – Режим доступа: <http://un.by/ru/unfpa/gender-equality/resource-centre/results-of-researches/rr-03.html>. – Дата доступа: 05.10.2015.
3. Аверинцев, С.С. Брак и семья: несвоевременный опыт христианского взгляда на вещи [Электронный ресурс] / С.С. Аверинцев // Православие и мир. – Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/brak-i-semya-nesvoevremennyy-opyt-xristianskogo-vzglyada-na-veshi/>. – Дата доступа: 01.10.2015.
4. Овчарова, Р.В. Родительство как психологический феномен : учеб. пособие / Р.В. Овчарова. – М. : Московский психолого-социальный институт, 2006. – 496 с.
5. Ильин, И.А. Путь духовного обновления / Ильин И.А. // Путь к очевидности. – М. : Республика, 1993. – 431 с.

УДК 343.632

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОСКОРБЛЕНИЕ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Д.В. КАШПОРОВА
(Представлено: Т.И. РЕМНЁВА)

Рассматриваются элементы состава преступления, предусмотренного статьей 189 Уголовного Кодекса Республики Беларусь. Затронуты некоторые проблемы понятийного аппарата. Приводится пример декриминализации оскорбления в Российской Федерации. Делается вывод о необходимости существования уголовной ответственности за оскорбление.

Согласно статье 53 Конституции Республики Беларусь, каждый обязан уважать достоинство, права, свободы, законные интересы других лиц. Однако вероятность услышать оскорбление в ответ даже на правомерные действия в современном мире увеличивается с каждым днем. Хотя, казалось бы, мы живем в цивилизованном обществе, где большинство вопросов можно урегулировать мирным путем не создавая конфликтов.

Одним из правовых институтов защиты чести и достоинства является уголовная ответственность за оскорбление. Состав данного преступления заключается в умышленном унижении чести и достоинства личности, выраженном в неприличной форме, совершенное в течение года после наложения мер административного взыскания.

Непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения, обеспечивающие охрану чести и достоинства личности [3].

Одна из проблем при рассмотрении данного состава – понятия чести и достоинства. В комментарии к Уголовному кодексу Республики Беларусь дается определение: «Честь — это общественная оценка социальных и духовных качеств конкретного человека, представление людей о его поведении, отношении к другим людям, социальной роли». Достоинство же определяется как: «самооценка человеком своих социальных, моральных качеств, способностей и общественной значимости». Как мы видим, в приведенных терминах большая роль отводится конкретному человеку в определении чести и достоинства. Проблема заключается в том, что для одного человека, сказанное может быть воспринято как оскорбление, задета его честь и достоинство; а для другого (например, для самого обидчика) – нет. С другой стороны, выявление более конкретных дефиниций вряд ли представляется возможным. В связи с тем, что небольшое количество дел по данной категории не позволяет сформулировать устойчивой практики, судьям приходится исходить из «доминирующих норм морали», порой применяя выдержки из орфографического и толкового словарей. Представление об оскорблении у каждого человека может быть разным, и установить, где простая обида, а где действительно затронута такое важное социальное благо как честь и достоинство личности, порой бывает весьма сложно [3].

Многие авторы вовсе не проводят разграничений между честью и достоинством, отождествляя их в пользу внутренней оценки личности конкретного человека. Однако разграничение данных понятий необходимо для уголовно-правовой характеристики. Например, в случае если потерпевшее лицо не понимает значение действий обидчика, иначе говоря – потерпевший психически нездоровое лицо. Если не проводить разграничение, то получится, что права таких лиц не подлежат правовой защите. Это не допустимо. Поэтому важно различать честь, как оценку других людей качеств конкретного лица; а достоинство, как внутреннюю нравственную категорию, обозначающую самооценку конкретного человека.

Обязательным признаком, без которого оскорбление не может быть уголовно-наказуемым деянием – неприличная форма унижения чести и достоинства личности. Неприличная форма – это отрицательная оценка личности другого лица, данная нелитературным, противоречащим нормам морали языком. Следует помнить, что критическая оценка, высказанная в адрес человека, пусть даже отрицательна, но выраженная в приличной форме не будет являться оскорблением [3].

Следует отметить, что в части 1 статьи 189 Уголовного кодекса предусмотрена административная преюдиция – деяние должно быть совершено в течение года после наложения мер административного взыскания за оскорбление или клевету.

В доктрине выделяется вид оскорбления, который носит название «заочное». Дело в том, что оскорбление всегда адресуется конкретному лицу, но унижительная оценка личности может быть дана как в его присутствии, так и при нахождении других, когда виновный в неприличной форме характеризует отсутствующее лицо, при этом зная, что об этом сообщат потерпевшему.

Субъективная сторона оскорбления характеризуется прямым умыслом. Вместе с этим некоторые авторы не исключают возможность совершения данного преступления с косвенным умыслом. Так, по мнению А.А. Пионтковского, при совершении преступления «лицо осознает, что оно распространяет ложные и позорящие сведения и желает, чтобы они были распространены или сознательно допускает их распространение» [5].

Субъектом оскорбления является лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

По части 2 статьи 189 уголовная ответственность наступает независимо от наличия или отсутствия административной преюдиции, если оскорбление было нанесено в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрируемом произведении, либо в средствах массовой информации [2].

В некоторых случаях сложно разграничить оскорбление от некоторых других преступлений. Например, хулиганские действия, осуществляемые в оскорбительной форме (такие как употребление нецензурных выражений) следует отличать от оскорбления по направленности умысла. Следует провести разграничение и с таким составом как клевета. При клевете сведения о потерпевшем всегда ложные, в оскорблении же сведения могут быть правдивыми, но нарушитель выбрал неправильную (неприличную) форму их подачи. Основное различие этих преступлений состоит в том, что клевета всегда предполагает

отрицательную характеристику потерпевшего со ссылкой на якобы имевшие место факты его аморального, противоправного, порочного поведения [3].

Следует отметить, что национальный законодатель предусмотрел специальные нормы, предусматривающие ответственность за оскорбление, защищающие честь и достоинство таких потерпевших как Президент Республики Беларусь – ст. 368, представителя власти – ст. 369, а также потерпевшего в статусе военнослужащего – ст. 444. Однако данные составы содержатся в других главах Уголовного кодекса, содержащие нормы, направленных на охрану других объектов. В доктрине уголовного права данные действия поясняются, тем, что в указанных выше составах преступлениях общественные отношения, направленные на охрану чести и достоинства человека, выступают в качестве дополнительного объекта преступления.

Оскорбление возможно совершить при помощи активного действия: пощечина, плевков, вульгарные жесты, передразнивания потерпевшего и т.п. Однако при данных обстоятельствах возникает вопрос, какие действия мы можем считать оскорбительными? На основании каких критериев следует производить разграничение? Тем более, по языку жестов не каждый сможет выявить оскорбление. В разных странах одни жесты могут быть оскорбительными, другие – нет.

В качестве примера оскорбления можно привести инцидент, произошедший в Витебской области, не так давно (из статьи на дату 1 октября 2014 года) было возбуждено уголовное дело по части 2 статьи 189 по факту оскорбления в сети Интернет. Неизвестные скопировали фотографии, находящиеся в социальной сети и преобразовали их при помощи программы Photoshop, после чего уже неприличные фото разместили в интернете в общем доступе [4].

Конечно, можно было бы согласиться с Беккариа, который полагал, что личные обиды и оскорбления чести, то есть той справедливой доли уважения, которую каждый гражданин имеет право требовать от других, должны наказываться бесчестьем, а именно общественным порицанием виновного. Однако времена сейчас таковы, что вряд ли общественное порицание можно расценивать в качестве эффективной [5].

К сожалению, такие случаи, когда человек обращается с заявлением для возбуждения уголовного дела не настолько частые, как должны быть, если оценить действительную ситуацию, особенно то, что зачастую происходит в интернете. Наши граждане нередко пренебрегают возможностью административной и уголовно-правовой защиты. В лучшем случае это закончится обычным игнорированием или примирением сторон, а в худшем – ответными неправомерными действиями. На наш взгляд это является неприемлемым и существует необходимость грамотно разработанной системе примирения сторон в связи с оскорблением, с обязательным возмещением морального вреда гражданина, или по примеру Российской Федерации вообще декриминализировать данный состав? Напомним, что в Российской Федерации норма, содержащая ответственность за оскорбление была перенесена из Уголовного кодекса в Кодекс об административных правонарушениях.

Также примечательно, что в Уголовном кодексе Российской Федерации не предусматривается отдельного состава преступления за оскорбление Президента, в судебной практике применяется статья 319 Уголовного Кодекса Российской Федерации – оскорбление представителя власти. Относительно недавно от данного состава отказалась и Франция, теперь, как и Президент, так и представители власти должны самостоятельно отстаивать свои права в суде.

В большинстве европейских стран за оскорбление предусмотрена уголовная ответственность. Однако не предусматривается такой «двуступенчатости», как в Республике Беларусь. Наше государство, по сути, пошло на компромисс, давая нарушителю шанс исправиться без привлечения его к уголовной ответственности. Если же лицо совершит деяние еще раз, то в рамках административной преюдиции оно привлекается уже к уголовной ответственности. Однако если посмотреть по применяемым санкциям (большинство осужденных приговаривается к штрафу, общественным работам), то смело можно заявить, что можно обойтись и привлечением к административной ответственности.

Уголовная ответственность за оскорбление – способ защиты законных прав, гарантируемых государством. Возможно, когда-нибудь наше общество станет настолько грамотным и морально развитым, что необходимость данного состава просто пропадет. Но, если сейчас сказать человеку, что уголовной ответственности за данный состав больше нет, то для некоторой категории граждан это может быть равнозначно безнаказанности. Поэтому на данном этапе развития, уголовная ответственность все-таки необходима, по крайней мере, для превентивной функции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г // Эталон 6.0. – Беларусь / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
2. Уголовный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.01.2015 г., № 245-3. // Эталон 6.0 / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2015.

3. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь : [с учетом изменений и дополнений по состоянию на 23 февраля 2010 г.] / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – Минск : Гос ин-т управления и социальных технологий Белорусского государственного университета, 2010. – 1063 с.
4. Уголовное дело по факту оскорбления в сети интернет возбуждено в Витебской области [Электронный ресурс] / Новости Беларуси. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/incident?id=681796. – Дата доступа: 14.04.2015
5. Чередниченко, Е.Е. Клевета и оскорбление: уголовно-правовой анализ (проблемы теории и практики) : моногр. / Е.Е. Чередниченко. – М. : Издательство «Юрлитинформ», 2010. – 144 с.

УДК 343.3/.7

«КИБЕРВОЙНА» КАК НОВЫЙ ВИД ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Д.С. МАЛИНИНА

(Представлено: Т.И. ПУГАЧЁВА)

Дается определения терминам «кибервойна», «киберугроза», «кибероружие». Кибернетика как основоположник «кибервойны». Киберугрозы создают хакеры, люди способные взламывать серверы и получать из них информацию незаконным путем. Кибероружия подводят общедоступные утилиты работы с сетевой инфраструктурой и нагрузочного тестирования сетей на основании того, что их используют хакеры.

В последнее время все чаще в средствах массовой информации (далее – СМИ) используются термины «кибероружие», «киберугроза», и «кибервойна». Это происходит в основном из-за того, что журналисты быстро подхватили не самый удачный термин, используя его в отрыве от контекста. В результате кибервойной с равной вероятностью могут называться пропагандистские операции в информационном пространстве Интернета, попытки взлома банковских систем, операции по выведению из строя критической информационной инфраструктуры, а также любые действия, которые прямо или косвенно связаны с Интернетом, компьютерами и т.п. Точно так же размыто и понятие «киберугроза»: под него зачастую бездумно подводятся опасности, такие, как распространение определенных видов информации в сети, вопросы обеспечения безопасности информационных систем, противостояния вредоносному программному обеспечению (далее по тексту – ПО) и многое другое [1 с. 72].

Настоящая научная статья ставит перед собой целью дать определение термину «кибервойна». Но для того, что бы дать определение всем этим термина, необходимо разобрать основоположника этих терминов «кибернетика».

Термин «кибернетика» появился еще в 1830 г. в философских трудах Андре-Мари Ампер [2], который более известен как один из пионеров электродинамики. Кибернетика определялась Ампером как наука о рациональном управлении государством. В 1948 г. понятие «кибернетика» было использовано Норбертом Винером как наименование науки о закономерностях процессов управления и передачи информации в машинах, живых организмах и в обществе [3]. Объектом исследования кибернетики являются все без исключения управляемые системы, которым присуща обратная связь. Иными словами, кибернетика вовсе не ограничена исследованиями современных информационных систем, алгоритмов и протоколов. Будучи междисциплинарной наукой, она охватывает системы электрических цепей, технологические процессы, логистику, эволюционную биологию, психологию личности, социологию, синергетику и т.п. Особо отметим то, что кибернетика, как наука об управлении, уделяет самое пристальное внимание методам управления государством и обществом. Именно эта область внимания кибернетики и стала причиной ее критики в СССР с последующим объявлением «реакционной лженаукой» в 1950-х гг. Кибернетика, как тогда казалось, претендовала на разработку научно обоснованного аппарата управления государством, стремилась «отбросить современную научную мысль, основанную на материалистической диалектике». Между тем наиболее интересные исследования кибернетиков относились именно к исследованиям государства в целом так и определенные аспекты (общества, политику и как способ административного управления). В области исследований информационных систем на смену «общей» кибернетике был создан специализированный высокоэффективный математический аппарат, опирающийся на хорошо разработанные теории систем, управления, автоматов, алгоритмов и т.п. В практическом решении прикладных задач, связанных с информационными технологиями, как правило, используется именно этот аппарат, а не «общая» кибернетика [1].

Под термином «кибероружие» в настоящее время понимаются самые разнообразные технические и программные средства, чаще всего направленные на эксплуатацию уязвимостей в системах передачи и

обработки информации или программотехнических системах. Так, под определения кибероружия подводят общедоступные утилиты работы с сетевой инфраструктурой и нагрузочного тестирования сетей на основании того, что их используют хакеры. Опираясь на масштабность воздействия, к кибероружию причисляют вирусы типа Flame [4] или зомби-сети, используемые для рассылки спама и организации распределенных атак, которые направлены на перегрузку информационных систем и следующий из нее отказ в обслуживании (DOS и dDOS-атаки) [5 с. 21].

«Киберугроза» – это незаконное проникновение или угроза вредоносного проникновения в виртуальное пространство для достижения политических, социальных или иных, целей. Киберугроза может воздействовать на информационное пространство компьютера, в котором находятся сведения, хранятся материалы физического или виртуального устройства. Атака, обычно, поражает носитель данных, специально предназначенный для их хранения, обработки и передачи личной информации пользователя [6].

Киберугрозы создают хакеры, люди способные взламывать серверы и получать из них информацию незаконным путем. Хакер является высококвалифицированным специалистом в программировании. Так в настоящее время их называют не иначе как «компьютерный злоумышленник».

Подводя итоги всему выше сказанному, нужно ответить на самый главный вопрос: «Так, что же такое «кибервойна»?

Кибервойна, Кибернетическая война (англ. Cyberwarfare) – информационное противостояние в киберпространстве, в том числе компьютерное противостояние в Интернете, одна из разновидностей информационной войны [10]. Она направлена прежде всего на дестабилизацию компьютерных систем и доступа к интернету государственных учреждений, финансовых и деловых центров и создание беспорядка и хаоса в жизни стран, которые полагаются на интернет в повседневной жизни. Межгосударственные отношения и политическое противостояние часто находят продолжение в интернете в виде кибервойны: вандализме, пропаганде, шпионаже и непосредственных атаках на компьютерные системы и сервера.

Одно из определений термина звучит так: «„кибервойна“ – использование Интернета и связанных с ним технологических и информационных средств одним государством с целью причинения вреда военной, технологической, экономической, политической, информационной безопасности и суверенитету другого государства» [11].

Как писал эксперт по безопасности правительства США Ричард Кларк в своей книге «Кибервойна» (англ. CyberWarfare) [12] (вышла в мае 2010 года) «кибервойна – действия одного национального государства с проникновением в компьютеры или сети другого национального государства для достижения целей нанесения ущерба или разрушения». Британский журнал The Economist описывает киберпространство как «пятую область войны, после земли, моря, воздуха и космоса» [13]. О важности готовности к ведению военных действий в киберпространстве свидетельствуют факты создания в 2005 году Агентства сетевой и информационной безопасности Евросоюза [14], а в 2010 году – специального формирования ВС США – киберкомандования США [15].

ЛИТЕРАТУРА

1. Каберник, В.В. Проблемы классификации кибероружия / В.В. Каберник // Вестн. МГИМО-Ун-та. – 2013. – № 2 (29) – С. 72–73.
2. Андре- Мари Ампер : биогр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.people.su/5663>. – Дата доступа: 26.09.2015.
3. Норберт Винер : биогр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://to-name.ru/biography/norbert-viner.htm>. – Дата доступа: 26.09.2015.
4. Комплекс вредоносных программ, использовавшихся для осуществления шпионской деятельности на Ближнем Востоке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.securelist.com/ru/blog/2077_64007/The_Roof_Is_on_Fire_otklyuchenie_komandykh_serverov_Flame. – Дата доступа: 26.09.2015.
5. Анализ типовых нарушений безопасности в сетях. – СПб. : Вильямс, 2001. – 21 с.
6. Киберугроза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.securitylab.ru/news/tags/%EА%Е8%Е1%Е5%F0%F3%Е3%F0%ЕЕ%Е7%Е0/>. – Дата доступа: 26.09.2015.
7. Попов, И.М. Взгляд на действия в киберпространстве под военным углом зрения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.milresource.ru/Cyber-Попов.html>. – Дата доступа: 26.09.2015.
8. США разрабатывают наступательные кибероперации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belvpo.com/ru/18385.html>. – Дата доступа: 26.09.2015.
9. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%BB%D0%Е%D0%B9%D1%82>. – Дата доступа: 26.09.2015.
10. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0>. – Дата доступа: 26.09.2015.
11. Конвенция о запрещении использования кибервойны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.answerme.org/politik.org.ua>. – Дата доступа: 26.09.2015.
12. Clarke, R.A. Cyber War [Электронный ресурс] / R.A. Clarke // Harper Collins. – Режим доступа: <http://www.harpercollins.com/9780061962233/cyber-war>. – Дата доступа: 26.09.2015.

13. Cyberwar: War in the Fifth Domain [Электронный ресурс] // Economist. – Режим доступа: <http://www.economist.com/node/16478792>. – Дата доступа: 26.09.2015.
14. European Union Agency for Network and Information Security [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.enisa.europa.eu/>. – Дата доступа: 26.09.2015.
15. NSA chief may lose US Cyber Command role [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cnet.com/news/nsa-chief-may-lose-us-cyber-command-role>. – Дата доступа: 26.09.2015.

УДК 343.3/.7

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ – ЗАДАЧА МЕЖДУНАРОДНОГО УРОВНЯ

Д.С. МАЛИНИНА

(Представлено: Т.И. ПУГАЧЁВА)

Термин «кибероперация» в профессиональной военной среде. Ключевой категорией понятия «действия в киберпространстве в военных целях» является само киберпространство. Основные специальности и средства, привлекаемые для проведения кибероперации. Мнению российских специалистов в области кибербезопасности.

Из-за участвовавших в последние годы попыток несанкционированного вторжения в информационные и компьютерные сети и системы (в том числе оборонного значения) ряда стран Запада с целью их нарушения или блокирования предпринимаются определенные меры (наиболее энергичные в Соединенных штатах Америки (далее – США)) по нейтрализации этой очередной нетрадиционной угрозы национальной безопасности. К таким мерам относится, в частности, формирование в составе национальных ВС так называемых сил киберопераций (СКБО), предназначенных для противоборства в информационном и киберпространствах [1].

Широко употребляемый термин «кибероперация» в профессиональной военной среде неизбежно вызывает ассоциации с понятием «военная операция», поэтому допустимость его употребления в военном лексиконе, очевидно, еще следует осмыслить.

В данном материале речь идет исключительно о военной сфере и вооруженных силах: хакерские атаки, подрывная и иная тайная деятельность спецслужб в киберпространстве, вирусы и DDOS-атаки нашего времени намеренно исключаются из сферы нашего внимания. Вооруженные силы будут вести реальные действия в киберпространстве в военных целях только с началом войны, а в мирное время они должны заниматься всесторонней подготовкой к их ведению, имея, кстати, в своем киберарсенале такие средства и способы действий, которые в мирное время могут даже квалифицироваться как негуманные, незаконные, катастрофические по последствиям.

Ключевой категорией понятия «действия в киберпространстве в военных целях» является само киберпространство. Однако у экспертов сегодня нет единого подхода к определению этого понятия. Авторская позиция заключается в том, что с военной точки зрения киберпространство представляет собой специфическую составную часть более широкого понятия – информационного или информационно-коммуникационного пространства, без которого сегодня уже немыслимы военные действия. В структурном отношении киберпространство включает в себя аппаратно-программные комплексы и объединяющие их компьютерные сети, в которых накапливается, хранится и циркулирует информация. Если прибегнуть к образному сравнению, то информационные потоки являют собой своеобразную «кровь» военного организма, а киберпространство в таком случае выступает в роли «кровеносной системы», которая наполнена той самой «кровью» – информацией [2].

Говорить о каком-либо самостоятельном значении киберпространства как обособленной сферы ведения войны или обособленного «театра военных действий» нельзя. Или по крайней мере еще преждевременно. В современной войне действия в киберпространстве будут иметь вспомогательный, подчиненный характер по отношению к военным (боевым) действиям.

В настоящее время одним из приоритетных направлений развития вооруженных сил США выделяется наращивание сил и средств для ведения информационной войны. Особую значимость здесь приобретает развитие киберподразделений, совершенствование методов и способов киберзащиты, а также проведение наступательных операций в киберпространстве.

Киберподразделение – это подразделение, которое нацелено на исследования и преследование по суду интернет-преступления, включая «кибероснованный терроризм, шпионаж, компьютерные вторжения и главное кибер-мошенничество». В США возглавляет это подразделение Федеральное бюро расследований (далее – ФБР). Так же в Республике Беларусь идет активная разработка и создание киберподразделения. В данный момент у нас уже существует (но, конечно же, не афишируется) киберподразделение при Министерстве обороны Беларуси.

В данный момент американскими экспертами разработан наиболее вероятный сценарий проведения кибероперации, включающий три основных этапа.

На первом – скрытом этапе подготовки к проведению кибероперации – усилия специалистов направляются на выявление информационных объектов критически важной инфраструктуры атакуемого государства, внедрение оперативных сотрудников в учреждения с закрытыми системами управления (администрация президента или аппарат правительства, ключевые министерства, крупнейшие банки, нефтегазовые корпорации и т.п.), выявление уязвимостей в их системах безопасности и эксплуатируемом на объектах программном обеспечении, а также разработку вредоносного специального программного обеспечения (эксплойтов, уязвимостей «нулевого дня», программ удаленного управления и др.).

Активный этап подготовки к проведению кибероперации, как правило, включает создание ботнетов (заражение компьютеров), вторжение в закрытые информационные системы, а также актуализацию доступа к уже взломанным системам.

В ходе непосредственного проведения кибератаки осуществляется дезорганизация и вывод из строя систем государственного и военного управления, систем контроля движения транспорта, нарушение работы банков и бирж, отключение Интернета, сотовой связи и т.д. [4].

Так США идет работы над составлением плана по подготовке специалистов в области информационных технологий (таблица).

Таблица

Основные специалисты и средства, привлекаемые для проведения кибероперации
(по взглядам американских экспертов)

Специализация	Основные функции	Требования к уровню знаний специалиста в информационных технологиях	Примерное количество человек	Ориентированная заработная плата (долларов США в год)
1	2	3	4	5
Специалист по выявлению уязвимостей	Поиск известных дефектов безопасности и ранее неизвестных уязвимых мест в операционных системах, программах, браузерах, серверах, сетях, смартфонах	Мирового класса	10	250 000
		Студент факультета информатики	10	40 000
Разработчик эксплойто*	Создание вредоносных кодов, эксплуатирующих уязвимости компьютеров при их заражении	Мирового класса	10	250 000
		С опытом использования спец. программ Студент факультета информатики	40 20	100 000 45 000
Коллектор ботов	Заражение чужого компьютера для превращения его в бот (компьютер-зомби)	Дипломированный специалист	40 10	75 000 40 000
		Студент факультета информатики		
Специалист по поддержке ботнетов	Поддержка и управление сети ботов как внутри, так и вне атакуемой страны, мониторинг рынка анти-вирусов ПО	Дипломированный специалист	150	60 000
		Студент факультета информатики	20	45 000
Оперативные сотрудники	Поступление на работу в ключевые гражданские и военные учреждения и коммерческие организации, подготовка условий для атаки изнутри посредством получения доступа к закрытым системам и подключения их к Интернету с помощью беспроводного подключения	Опытные завербованные сотрудники	10	По договоренности
		Студенты факультета информатики	10	40 000
Операторы	Проникновение через установленное оперативными сотрудниками оборудование в закрытые системы, их изучение и взлом	Специалист по взлому систем	40 10	100 000 40 000
		Студенты факультета информатики		

Окончание таблицы

1	2	3	4	5
Разработчики	Разработка средств дистанционного контроля зараженных компьютеров, подготовка DDoS атак	Опытный специалист	10	125 000
		Дипломированный специалист	20	60 000
		Студент факультета информатики	10	40 000
Тестеры	Проверка надежности и эффективности всех разработанных программ, ботнетов и средств дистанционного контроля	Дипломированный специалист	10	60 000
		Студент факультета информатики	5	40 000
Технический консультант	Эксперт по специализированному оборудованию и программному обеспечению		20	100 000
Системный администратор	Поддержка работоспособности систем, установка ПО		10	50 000
Старший менеджер	Управление персоналом		5	200 000
Менеджер	Управление «кибербойцами»		47	100 000

Примечание : * компьютерная программа, фрагмент программного кода или последовательность команд, использующие уязвимости в программном обеспечении и применяемые для проведения атаки на вычислительную систему. Целью атаки может быть как захват контроля над системой (повышение привилегий), так и нарушение её функционирования (DoS-атака) [3].

Что же по этому поводу горят российские специалисты? По мнению российских специалистов в области кибербезопасности, этот сценарий проведения кибероперации «является весьма реалистичным». В качестве основного аргумента приводится тот факт, что сегодня ключевые ведомства России (в частности министерства, курирующие вопросы экономики, промышленности, энергетики, силовые и другие структуры) используют технические средства и программное обеспечение зарубежного производства [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Каберник, В.В. Проблемы классификации кибероружия / В.В. Каберник. – Вестн. МГИМО-Ун-та. – 2013. – № 2 (29) – С. 72–73.
2. Попов, И.М. Взгляд на действия в киберпространстве под военным углом зрения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.milresource.ru/Cyber-Popov.html>. – Дата доступа: 26.09.2015.
3. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%BB%D0%E%D0%B9%D1%82>. – Дата доступа: 26.09.2015.
4. США разрабатывают наступательные кибероперации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belvpo.com/ru/18385.html>. – Дата доступа: 26.09.2015.